И. Ю. АНДРЕЕВА
СТАНЬ УЧИТЕЛЕМ!
Записки учительницы и мамы.
Два важных опыта
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Эти записки, если их прочитают опытные учителя, тем более учителя – словесники, для кого-то из них станут, хотя бы отчасти, подтверждением их собственных выводов, у кого-то вызовут недоумение и, возможно, возражения. Это вполне естественно: у каждого учителя свои ответы на вопросы, которые ставит перед нами работа в школе.

Я думаю, мои размышления будут интересны прежде всего молодым учителям и тем, кто, размышляя о своем будущем, задумывается о профессии учителя, в частности и в особенности, – учителя русского языка и литературы. Им мои записки могут помочь в выборе – и профессии, и путей овладения ею.

Предполагаю и надеюсь, что эти записки смогут заинтересовать и родителей. Ведь мамы и папы, бабушки и дедушки, которые вдумчиво, серьезно относятся к воспитанию, задумываются и о том, как ребенок овладевает родным языком и литературой, почему ему это трудно или неинтересно (а так бывает нередко), поэтому им важно знать, как это происходит, увидеть этот процесс „изнутри“ в той мере, в какой возможно его увидеть со стороны.

Кроме того, изложенные здесь, особенно во второй части записок, мысли основаны на моем материнском, а не только учительском опыте».

- И. Ю. Андреева
  - ○
  - ○ Стань учителем!
    - ■
    - ■ Это должен уметь каждый
    - ■ Опыт учительницы и опыт мамы
    - ■ Не хотят быть учителями
    - ■ Беседы о профессиях
    - ■ Дисциплина в классе
    - ■ Трудные ученики
    - ■ Ученики такие разные
    - ■ А бывает ли интересно всем?
    - ■ «Зачем и кому нужна поэзия»
    - ■ Работа над собой не только для себя
    - ■ Открытия, сделанные детьми
    - ■ Самая важная профессия
    - ■ Не только литература

- Любимая Москва
- Дети слушают музыку
- О России
- Карьера учителя и его награды
- Если это мой ребенок
- Общение с ребенком – главное
- Как общаться с ребенком
- Надо ли баловать детей
- Слушать и объяснять
- Настаивать ли на своем
- О детском чтении
- Как родители восхищаются своими детьми
- Как воспитать в ребенке интерес к себе
- Ребенок вырос – общение меняется
- Мой сын и мои ученики
- Отдавать ли детям душу

И. Ю. Андреева
Стань учителем!
Записки учительницы и мамы. Два важных опыта

* * *

© Андреева И. Ю., 2017
© Издательство «Прометей», 2017.

Стань учителем! Записки учительницы и мамы. Два важных опыта

Эти записки, если их прочитают опытные учителя, тем более учителя – словесники, для кого-то из них станут, хотя бы отчасти, подтверждением их собственных выводов, у кого-то вызовут недоумение и, возможно, возражения. Это вполне естественно: у каждого учителя свои ответы на вопросы, которые ставит перед нами работа в школе.

Я думаю, мои размышления будут интересны прежде всего молодым учителям и тем, кто, размышляя о своем будущем, задумывается о профессии учителя, в частности и в особенности, – учителя русского языка и литературы. Им мои записки могут помочь в выборе – и профессии, и путей овладения ею.

Предполагаю и надеюсь, что эти записки смогут заинтересовать и родителей. Ведь мамы и папы, бабушки и дедушки, которые вдумчиво, серьезно относятся к воспитанию, задумываются и о том, как ребенок овладевает родным языком и литературой, почему ему это трудно или неинтересно (а так бывает нередко), поэтому им важно знать, как это происходит, увидеть этот процесс «изнутри» в той мере, в какой возможно его увидеть со стороны.

Кроме того, изложенные здесь, особенно во второй части записок, мысли основаны на моем материнском, а не только учительском опыте

Это должен уметь каждый

В наш век высоких технологий и соответствующей им узкой специализации, неизбежной, когда для овладения любой серьезной профессией необходимы огромные знания, осталось, наверное, только одно искусство, которым каждый человек должен овладеть, – это искусство воспитания. Здесь, пожалуй, необходимы два пояснения.

Во-первых, что такое воспитание? Условно говоря (и с этим согласны многие профессиональные педагоги), воспитание – это, как уже было сказано, искусство, потому что многое в педагогике определяется интуицией, чувством, опытом, а не строгой системой понятий, как в науке. Во-вторых, педагогом является, желая того или нет, любой человек, воспитывающий ребенка, то есть любой родитель, а не только учитель. Решение многих проблем своей жизни человек может, а иногда и вынужден доверить профессионалам. Но если ответственность за воспитание своего ребенка он перекладывает полностью на учителей или, скажем, гувернеров, ребенок вырастает чужим человеком, и только тогда папа и мама понимают, что многое безвозвратно упущено, а собственные успехи в бизнесе или науке перестают радовать. Поэтому каждый человек, имеющий ребенка, педагог. Между тем воспитание – дело очень сложное. В этом главное противоречие ситуации: сложным и трудным делом, которому посвящены многочисленные научные теории (пусть с оговорками, чисто условно мы называем педагогику наукой) должен заниматься каждый человек.

Опыт учительницы и опыт мамы

Ни в коем случае я не претендую на то, чтобы научить кого-то этому сложному искусству, понимая, что это практически невозможно. Мне только хотелось бы поделиться некоторыми выводами, к которым привел меня мой опыт воспитания – воспитания моих учеников и моего сына. Эти две линии жизни идут порой параллельно, независимо друг от друга, порой пересекаясь и обогащая друг друга. Может быть, мои ошибки и мысли о том, как их можно было бы избежать, кому-то будут интересны, кому-то помогут в подобных ситуациях.

Итак, воспитание учеников и воспитание своего ребенка. Мы учим в школе детей, которые после уроков уходят домой и слышат там от родителей слова, по сути, может быть, не совпадающие с тем, что мы им стараемся внушить, а может, и совсем не совпадающие с направлением нашего воспитания или даже противоречащие ему.

А для сына я являюсь первым и главным человеком, создающим основу его представлений о мире. Он знает и видит меня с рождения ежедневно в течение всей жизни, отношения между нами предельно близкие. Ученик, который приходит ко мне даже в пятом классе, – это во многом уже сложившаяся личность. Для него я посторонний взрослый человек, в общении с которым он именно поэтому чувствует дистанцию, она потом может сократиться и все-таки останется. Да, это два разных опыта, но оба они важны и многому меня научили. Они дополняют друг друга: разговаривая с учениками, я вспоминаю какие-то моменты общения со своим ребенком в разные периоды его жизни, воспитывая его, сравниваю его, часто невольно, со своими учениками, чтобы найти верный тон разговора. Ведь я и мама, и учитель.

Не хотят быть учителями

Есть две специальности, которые во многом близки, – учитель и врач. Обе профессии предполагают непосредственное общение с людьми, следовательно, требуют умения понять другого человека, готовности поддержать его, помочь. Врач возвращает человеку здоровье, в основном занимаясь состоянием тела, учитель воздействует на ум и душу. При этом врач имеет дело с людьми больными, что само по себе уже усложняет общение. Учитель же приходит в класс к здоровым детям, хотя само понятие здоровья условно и относительно, и всё же… Важно и то, что врач работает с больным, пока он болен. Больной может наблюдаться у того или иного специалиста много лет, но это общение всё же не бывает постоянным. А учитель приходит в один и тот же класс в течение двух, пяти, а иногда и семи лет. Мой последний класс, где я была классным руководителем, я учила 7 лет. Как много возникало самых разных, порой неожиданных, жизненных ситуаций за эти годы, как много было радостей и огорчений… Дети выросли, изменились, некоторые – весьма неожиданно. Но все они для меня близкие и дорогие люди. Их судьбы – часть моей жизни.

Вот о чем в связи с этим я давно думаю. Профессия врача очень трудна и ответственна. Врачу приходится порой принимать решения, которые могут стоить человеку жизни, чего учитель, конечно, не делает. Оплата труда врачей, как и учителей, оставляет желать лучшего. И все-таки как много школьников, которые хотят стать врачами! В школе, где я работаю, много лет назад были открыты медико-биологические классы, которые готовят к поступлению в медицинские ВУЗы. В эти классы немалый конкурс, причем приходят туда учиться ребята очень яркие, успешные, которые могли бы себя найти в самых разных областях. При поступлении в медицинские институты они тоже участвуют в напряженной конкурентной борьбе. Словом, стремятся стать врачами, несмотря на трудности.

А вот учителями быть не хотят! Не идут сильные ученики, за редким исключением, в педагогические ВУЗы. А если поступают туда, то очень часто с расчетом потом устроиться куда-нибудь, только не в школу. Бывают, конечно, исключения, когда одаренные юноши и девушки хотят передавать детям свою любовь к той или иной области знаний, хотят работать с детьми, потому что любят их, получают удовольствие от общения с ними. Бывает и по-другому: человек волей судьбы, случайно попадает в школу, и эта случайность оказывается для него счастливой – в учительстве он находит свое призвание. Но эти исключения не

решают проблемы: учителей много, но учителей настоящих, таких, каких все мы хотели бы видеть рядом со своими детьми, очень мало. С чем же это связано?

Причин здесь, думаю, несколько. Одна из них в том, что учителя каждый выпускник школы видит перед собой ежедневно, его работа кажется состоящей только из рутинных повседневных забот, хотя о работе учителя ученики при этом далеко не все знают, более того, не знают очень важного. Именно об этом хотелось бы поговорить.

Беседы о профессиях

Ребятам, у которых я была классным руководителем, я как-то, когда они были в восьмом классе, предложила поговорить о разных профессиях: ведь они уже задумывались о выборе жизненного пути. Когда ученики, часто направляемые родителями, выбирают модные и престижные профессии юриста или экономиста, они плохо представляют себе, как будет проходить их учеба и чем конкретно будут наполнены их трудовые будни. Обо всем этом я просила рассказать родителей и своих выпускников, которые работают в разных популярных сегодня областях или готовятся к этому. Таких бесед было несколько, и все они были очень интересны, как признались потом и слушатели, и выступавшие. Они сделали более ясными представления ребят о профессиях именно потому, что речь шла о конкретных повседневных делах и заботах специалиста или студента, о проблемах, которые ему приходится решать, и о радостях, которые составляют смысл его работы. Кстати, папа одной девочки, выступавший тогда перед ребятами, признался потом, какая это радость – видеть пытливые, живые, взволнованные лица ребят, их горящие глаза. Это то, что достается на долю каждого учителя, если он любит свой предмет и своих учеников. И все же…

Настал день разговора о профессии учителя. Предлагая своим ученикам этот разговор, я, откровенно говоря, не была уверена, что он будет им интересен: учителей они видят каждый день, видят и в минуты вдохновения, и в минуты раздражения, усталости – им может казаться, что о нашей работе они знают все.

Но мои сомнения были совершенно напрасны! Разговор получился очень оживленным, интересным и продолжался полтора часа, потому что мои ответы на разнообразные и неожиданные вопросы вызывали новые вопросы, и ребят было не остановить. Участников обсуждения оказалось много, хотя происходило оно после уроков и пришли только желающие.

Разные стороны работы учителя мы обсуждали. Я в самом начале разговора призналась, что, когда стала учителем, многое было для меня неожиданным, хотя я долго и серьезно к этому готовилась, изучала все, что относится к будущей профессии.

Например, вопрос о том, как учитель готовится к уроку. Когда моя любимая учительница русского языка и литературы говорила, что она тратит на это много времени, мне, несмотря на огромное уважение и доверие к ней, это казалось, мягко говоря, преувеличением. Зачем Лилии Михайловне готовиться к урокам?

Она же и так все прекрасно знает! Она учитель! Только на педагогической практике я поняла: чтобы дать хороший урок, надо готовиться к нему значительно, иногда в несколько раз, дольше, чем сам этот урок продолжается. Но во время практики мы давали по два – три урока в неделю и к каждому из них готовились чуть ли не несколько дней, обсуждали план урока с методистом и с учителем. А приходя на свой урок, учитель оказывается один на один с классом, в котором в среднем 25 человек, и все они разные: кому-то интересен предмет, он хочет побольше узнать, активно участвует в обсуждении – ему нужно давать материал на серьезном уровне, а рядом с ним на том же уроке сидят ученики, которых в последние годы принято называть немотивированными – их не увлекает в принципе процесс получения новых знаний, им трудно усваивать материал, но они тоже должны научиться чему-то на этом уроке, им должно быть понятно его содержание, пусть на другом, доступном для них, уровне. А учитель один, и никто ему не может помочь. Ко мне пришла недавно моя выпускница, окончившая факультет глобальных процессов МГУ и работающая в серьезной фирме. На мой вопрос, трудно ли ей работать, она ответила, что трудности бывают, но коллектив хороший, и все стараются помогать.

А учителю никто по существу помочь не может! То есть можно посмотреть с ним план урока, можно прийти на урок и потом проанализировать допущенные методические ошибки, можно выслушать его жалобы на учеников, с которыми трудно работать, и с ними потом поговорить. Но на уроке учитель остается один на один с классом! И это очень трудно, особенно в первые годы работы, и это остается проблемой, поверьте, не один год и не два. Это, может быть, самое трудное – держать класс, даже если в нем двадцать человек, а ведь бывает и больше тридцати. Это, конечно, не цель нашей работы, но необходимое условие ее успешности.

Дисциплина в классе

Установить в классе необходимый для работы порядок – задача далеко не простая. Как учителю это удается, зависит от разных обстоятельств: от предмета, который он преподает, от состава класса, от того, какие другие учителя в этом классе работают и, соответственно, к какому стилю общения с учителем привыкли ученики.

Самое важное здесь – найти именно правильный стиль общения. Есть учителя, которые сразу выбирают стиль авторитарный. Они говорят строгим, даже суровым тоном, часто повышают голос, порой срываясь на крик, отбирают у учеников предметы, которые им мешают работать, – маркеры, блокноты, телефоны, вызывают родителей. Некоторые педагоги считают такой стиль правильным и придерживаются его сознательно. Это объясняется двумя главными причинами. Многим людям свойственно стремление руководить, подчинять кого-то себе, хотя порой они делают это не намеренно, как будто бы невольно. Вторая причина, как мне кажется, в том, что все мы, за исключением совсем молодых, выросли и сформировались в стране, где авторитарное сознание вообще господствовало как в обществе в целом, так и в семье, свобода личности в различных проявлениях всячески подавлялась. На сознание многих людей это наложило отпечаток.

Многие учителя прибегают к авторитарному методу вынужденно, иногда буквально от отчаяния, не умея иначе успокоить класс. Иногда они доходят до крайностей: неистово кричат, рвут тетради, выбрасывают в окно посторонние предметы. Да, именно так, к сожалению, это факты школьной действительности. Достигают ли эти учителя названной цели – установить порядок в классе?

Безусловно, достигают и добиваются часто высоких результатов в обучении, особенно если это они проводят свою линию последовательно и им для этого хватает силы характера. Это могут быть учителя, прекрасно знающие свой предмет, преподающие интересно (ребята говорят «интересно рассказывает», хотя, конечно, не только в этом дело). Если это так и преподавание построено не на одной строгой требовательности, то многие ученики таких учителей любят. Более того, даже недопустимые методы воздействия оправдывают и приветствуют: «С нами же иначе нельзя», «Зато мы будем хорошо все знать». Это понятно: многие ребята привыкли к подобным отношениям и в семье, опять же по причине, уже названной. Другие дети,

особенно те, которые воспитываются в интеллигентных семьях, где немыслимо повышение голоса, тем более рукоприкладство, подобный стиль отношений не принимают, он им кажется унизительным. Да, у таких учителей на уроках хорошая дисциплина, но в основе – страх, страх наказания, окрика, унизительного замечания, сделанного порой с иронией, обидной для ученика. А страх не должен быть основой каких бы то ни было взаимоотношений.

С этой важной и сложной проблемой – проблемой дисциплины – я столкнулась, как и все учителя, в самом начале своей работы в школе.

Есть учителя, чаще мужчины, у которых проблем с дисциплиной нет, даже в первые годы работы. Но таких учителей немного, и мне, как и многим учителям, было нелегко. Авторитарный стиль был для меня неприемлем. А многие дети, как я уже говорила, к нему привыкли. И все-таки мне очень хотелось убедиться в том, что можно построить отношения по-другому. Это было невероятно трудно! Я часами готовилась к урокам, продумывала каждую мелочь, старалась сделать работу как можно интересней и разнообразней, но это теряло смысл, потому что многие ученики просто не слышали меня, а занимались своими делами. Иногда я, видя это, не могла этому противостоять. А иногда, беседуя с теми, кому интересно, просто не замечала, каким безобразием занимаются остальные. Это ведь особое умение, которое формируется у учителя годами, – умение видеть всех, весь класс, занимаясь в данную минуту с каким-то одним учеником. Представьте себе, что перед вами 25–30 подростков, и все они должны быть в поле вашего зрения и должны это чувствовать. Когда я рассказала об этом своей подруге, далёкой от педагогики, она была искренне удивлена: «Ты же спрашиваешь одного, как же ты можешь видеть всех?» И всё-таки этому приходится научиться!

Прошли годы, прежде чем я смогла достичь своей цели. И теперь, проработав в школе уже много лет, я твердо убеждена: можно установить на уроке нужную для работы дисциплину и при этом сохранить атмосферу спокойного уважения и взаимного доверия. Может быть, это самый важный вывод, который я смогла сделать, проработав в школе много лет. Это, конечно, не мое открытие, это основа той гуманной педагогики, которую отстаивает в своей деятельности один из лучших учителей страны – Шалва Александрович Амонашвили. Это воплощение того принципа воспитания, который считал основой нашей работы другой замечательный педагог – Симон Львович Соловейчик: «Считайте человека за человека – больше для

воспитания ничего не нужно». Мой опыт – только одно из многих практических доказательств возможности такого подхода к воспитанию. И, наверное, одна из самых важных и дорогих для меня оценок моего труда прозвучала в словах моей ученицы, которая, поздравляя меня с праздником, сказала после всех пожеланий: «Вы нас не прессуете, как некоторые учителя, а воспитываете желание работать». Это значит, что дети разные наши методы работы оценивают, пусть выражают это в близкой для них разговорной форме – «прессуете». Привожу слова этой девочки не для того, чтобы похвастаться своими достижениями, а для того, чтобы доказать: такой путь в педагогике возможен.

И если мы не «прессуем» учеников, они не испытывают никакого психологического напряжения, которого и не должно быть ни на каком уроке, тем более на уроке литературы, да и русского языка, где идет свободное обсуждение, и никто не боится откровенно высказываться. Установить такую атмосферу на уроке очень трудно. Сейчас, конечно, мне помогает не только опыт, но и возраст: ученики иначе воспринимают пожилую женщину, чем вчерашнюю студентку. Но, поверьте, есть и опытные учителя, которые с дисциплиной не очень справляются, а бывает, что молодому это удается. В чем же секрет так называемого владения классом? Конечно, на этот вопрос не ответишь в двух словах.

Если учителя боятся, то все просто: он вошел в класс, и все замерли. Если этого нет, работать гораздо труднее! Во-первых, каждую минуту урока каждый ученик должен понимать, что конкретно ему делать. Это не обязательно активная деятельность, он может просто слушать стихотворение, но перед ним нужно поставить эту задачу – послушать стихотворение и почувствовать его глубину и музыкальность. Это вообще очень важно – понимание ребенком или подростком цели того, что он делает на каждом этапе работы, и это тоже помогает установить на уроке порядок. При этом есть формы работы интересные, увлекательные, а есть рутинные, однообразные, но необходимые для овладения материалом. И я заметила, что если честно детям сказать: «Мы сейчас будем делать то, что скучно, я понимаю, но это необходимо», – и объяснить для чего, то они выполняют это задание более организованно и даже охотно. Когда то же самое задание даешь с важным видом, подчеркивая его значимость, работа идет иначе. Это первое. Во-вторых, как я уже сказала, каждый ученик должен чувствовать, что учитель его видит опять же каждую минуту. Видеть каждого ученика, если их 20 или 30, и одновременно следить за ходом урока очень трудно, но этому можно научиться. Наконец, ребята должны видеть и чувствовать,

что учитель знает и любит предмет и искренне заинтересован в том, чтобы передать им свою любовь и знания.

Все это требует очень большого напряжения, не только умственного, эмоционального, но и физического. Чтобы видеть каждого, надо стоять перед классом или ходить по нему, а не сидеть за учительским столом, подходить к отдельным ребятам, заглядывать в тетради. Чтобы наполнить содержание урока разными заданиями, интересными фактами, надо готовиться к нему, сколько бы лет ни прошло, надо каждый раз заново переживать уже известное, давно открытое и открывать, пусть только для себя и своего класса, что-то новое. Поэтому у учителя не должно быть много часов: так подготовить и провести 28–30 уроков в неделю невозможно. Проверку письменных работ ведь тоже никто не отменял.

Разумеется, многие учителя соединяют в своей работе разные методы воздействия на класс. Учителя строгие могут и улыбнуться, и по-доброму пошутить с ребятами, и вести с ними доверительный разговор, чаще после уроков. Ребята это ценят, может быть, особенно потому, что учитель строгий показывает другую сторону своего характера, улыбается Маше или Диме, и им это тем более приятно, что он обычно так суров и неприступен. Но суровость и неприступность не должны быть, повторяю, основой общения с классом.

Трудные ученики

Я работаю в школе много лет, в самых разных параллелях, с 5 класса по 11. И вот мне дают новый для меня 5 класс. Обычно на уроках литературы пятиклассники активны, многие поднимают руки, говорят, конечно, наивно, по-детски, но искренне и часто очень интересно, замечают то, что уже скрыто от взгляда старшеклассников, а тем более взрослых людей, чье восприятие более зрело, но в какой-то степени сковано, ограничено некими стандартами, образцами того же самого, скажем, анализа литературных произведений. Кроме того, старшеклассники более сдержанны просто в силу особенностей психологии своего возраста. А ученики 5–6 класса, как говорится, рвутся в бой. Многие, даже те, которым рассуждать, формулировать свои мысли трудно.

Но вот в 5 классе передо мной (буквально, то есть на первой парте) оказывается ученик, который весь урок читает тексты произведений, напечатанные в учебнике. Я задаю вопрос о рассказе Чехова, а он, даже не слушая вопроса, читает повесть Короленко. Я говорю, что нужно записать вывод, все приготовились записывать – Алеша продолжает читать. На мое замечание реагирует тяжелым вздохом, берет ручку с явной неохотой. Вскоре в беседе с классом о прочитанных книгах выясняется, что читает он много, любит читать.

Многие люди, не работающие в школе, говорят, когда рассказываешь о таких учениках: «Ну и пусть читает, он же не мешает никому, а другие пусть работают». Рассуждать об этом легко. Но, во-первых, среди этих других есть ребята, для которых такой пример станет образцом для подражания, во-вторых, этого Алешу и таких, как он, я тоже должна учить. Читать-то он любит, но читать не значит понимать прочитанное и уметь рассуждать. Сочинения Алеши довольно беспомощны и представляют собой упрошенный пересказ текста.

Теперь попробуйте представить, что чувствует взрослый человек, учитель, когда ребенок 11 лет совсем не реагирует на его замечания, не выполняет его, неизбежных и необходимых в ситуации урока, требований. Первая реакция, конечно, возмущение, негодование, которое очень трудно сдержать! Но в этом-то и заключается в подобных случаях главная задача учителя. Нужно найти слова, которые учитель может сказать сам себе, чтобы подняться над этой ситуацией, не увлечься выяснением отношений, не воспринимать такое поведение как вызов лично себе, постараться говорить спокойно и решить

вопрос не при всем классе, а в разговоре после урока. А после урока, особенно если проводишь его на эмоциональном подъеме, как говорится, полностью выкладываясь, так хочется хоть на несколько минут отвлечься от вопросов дисциплины, спокойно приготовить все к следующему уроку, да в конце концов отдохнуть несколько минут. А тут уже пришел следующий класс, заглядывают в кабинет: «Здрасьте, можно заходить?» Но поговорить с таким Алешей (Борей, Витей) все равно нужно (в каких-то случаях такой разговор может происходить и после уроков). Учитель понимает: потратив на эту беседу время и силы, он обеспечит себе условия для работы на следующих уроках.

Как вести этот разговор? Никакие общие рекомендации здесь дать невозможно. В данном случае можно опираться на то, что мальчик любит читать, это уже означает, что ребенок неглупый – можно взывать к его разуму, обсуждать вместе сложившуюся ситуацию. Я и попыталась это сделать – ребенок со всем, что я говорила, соглашался, а на уроке продолжал вести себя так же. Тогда я дала ему отдельное задание на листочке, пересадила за последнюю парту и разрешила после выполнения письменного задания читать книгу, то есть те же тексты учебника, которые он обычно читает. Результат оказался неожиданным и в то же время закономерным: Алеша написал работу, а потом стал поднимать руку, чтобы принять участие в обсуждении. Но это вовсе не значит, что теперь на всех уроках он будет работать так, как нужно. И тогда придется искать другие пути… И так бесконечно.

Формы такого стихийного протеста (против предмета, учителя, всей школьной системы) бывают разными, и в каждом случае нужно решать новую задачу с новыми неизвестными.

Как-то на первом уроке по творчеству Ф. М. Достоевского в 10 классе я предложила послушать отрывок из симфонии И. Брамса, а потом спросила, чем похожи эти произведения: симфония Брамса и роман Достоевского «Преступление и наказание». Имелось в виду, что произведения разных искусств звучат драматически, в них отражены глубокие и сложные душевные переживания. Это, безусловно, могли бы сказать некоторые ученики, думающие и серьезные. Но вот один ученик поднял руку, встал и заявил, что эти произведения похожи своей примитивностью. Далее он в нескольких словах попытался обосновать свою точку зрения. Конечно, это был вызов, не Брамсу и Достоевскому, а мне, пытавшейся разнообразить урок сближением разных искусств. А за этим вызовом, как почти всегда в подобных случаях, стояло желание показать смелость и независимость собственных суждений. И если найти в себе силы в

такие моменты задуматься об истинных мотивах поведения ученика, встать как бы над ситуацией, как и в предыдущем случае, это дает силы (хотя это все равно очень трудно!) посмотреть на ситуацию со стороны и выбрать разумную линию поведения. Кстати, именно этот ученик, который часто вел себя подобным образом, потом прислал мне уже из армии письмо, в котором просил прощения. Но так бывает, конечно, далеко не всегда.

Подобных примеров можно привести много. Бывают случаи более открытого противостояния учителю. И у каждой такой задачи свой путь решения. И во всех подобных ситуациях надо помнить, что гораздо больше таких учеников, которым умный, преданный своему делу и любящий детей педагог необходим. И сознание этого дает нам силы.

И все-таки это очень трудно, это достигается ценой огромного эмоционального напряжения и получается далеко не сразу. И, наверное, нет другой профессии, которая так остро ставит перед человеком такую проблему. Врач, при всей сложности своего труда, не поставлен перед необходимостью кого-то принуждать, тем более большую группу людей одновременно. А мы вынуждены делать это ежедневно, причем делать доброжелательно и красиво, как уже было сказано, а это очень трудно. И это один из вариантов ответа на вопрос: почему наши выпускники не хотят быть учителями?

Ученики такие разные

Порядок в классе нужен, разумеется, не сам по себе, а для того, чтобы научить всех учеников. А они такие разные! Каждый ребёнок, подросток – это тайна, которую иногда приходится разгадывать годами, а разгадки порой бывают совершенно неожиданными. Вспоминаются известные слова Льва Толстого: «Всякий человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и часто бывает совсем не похож на себя». И если это верно в отношении к человеку вообще, то тем более верно и важно, когда речь идёт о человеке, который растёт и развивается, порой неожиданно. Ведь у каждого из них свой внутренний мир, неповторимый, не похожий ни на какой другой, мир этот складывается на наших глазах, и именно уроки литературы могут оказать на формирование его очень важное влияние. И надо учить одновременно таких разных людей, а их в классе 25–30.

Маша в 10 классе уже прочитала роман Достоевского «Бесы», Лиза в восторге от «Анны Карениной», а Света всерьез уверяет меня, что «Евгения Онегина» прочитать невозможно, Сева откровенно пишет в размышлении по тексту ЕГЭ, что аргумент можно привести из романа «Война и мир», а далее в скобках: «не читал». Естественно, размышляют и излагают свои мысли такие ученики по-разному. Подобные примеры может привести каждый учитель в соответствии с преподаваемым предметом.

И вот идет обсуждение, к примеру, романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Его-то, как правило, читали все или почти все: он все-таки увлекает необычностью формы, соединением разных временных пластов. У некоторых учеников появляется сразу несколько вариантов ответа на один вопрос, другие же и вопрос-то не очень понимают в самом буквальном смысле, хотя, конечно, стесняются в этом, признаться. А нужно организовать общую беседу. И очень хочется, чтобы в итоге этой беседы хотя бы у кого-то из не прочитавших роман появилось желание его прочитать, а у тех, кто ничего не мог сказать о героях и проблемах, сложились бы какие-то суждения, пусть не совсем самостоятельные. Этого не будет, если беседа превратится в опрос с обязательным выставлением оценок всем ученикам, когда Вика и Коля, у которых много серьезных мыслей, которые готовы спорить и отстаивать свою точку зрения, будут терпеливо ждать, пока Петя скажет хоть что-нибудь. Он в конце концов что-то произнесет, но интерес к беседе у многих уже угаснет, а у самого Пети, после того как он получит соответствующую оценку, роман будет

ассоциироваться с чем-то неприятным, даже, может быть, унизительным, у него уже никогда не появится желания в этом произведении разобраться, ему это не будет интересно, у него не будет желания определить своё личное отношение к героям, сформулировать свои ответы на вопросы, которые произведение ставит перед читателем.

А ведь это главное, что даёт человеку изучение литературы, – возможность разных точек зрения на один и тот же предмет. Именно это и позволяет нам на уроке литературы, более чем на каком-либо другом уроке, воспитывать у учеников способность к самостоятельному мышлению. Что же делать, чтобы в этой работе участвовали все, пусть по-разному, в соответствии с индивидуальными особенностями разных учеников?

А бывает ли интересно всем?

Это ведь как раз то, чего ждут от учителя и ученики, и их родители: детям должно быть интересно на уроке. Когда начинаешь обсуждать этот вопрос, соглашаются, конечно, что интересно всем и всегда быть не может, что есть такой материал, который нужно просто выучить, потому что без этого нельзя идти дальше. И все-таки… И все-таки дальше должно прийти то, что увлечет, заинтересует. Не случайно ведь прекрасная книга С. Л. Соловейчика так и называлась – «Учение с увлечением». Тем более, может быть, в первую очередь, этого ждут от уроков литературы. В школе, где я работаю, была когда-то молодая учительница русского языка и литературы, у которой не сложились отношения с 7 классом. И вот ребята позвали в класс директора и, не стесняясь присутствия учительницы, стали говорить, что им скучно на уроках, а на уроках литературы должно быть интересно! То есть со скукой на уроках русского языка они еще готовы были смириться, но на литературе… Потом им сменили учителя, но не это важно, а сам подход к проблеме.

Конечно, и учителю, а не только детям и родителям хочется, чтобы на уроке было интересно. По возможности всем или хотя бы многим ученикам. Как этого добиться?

Если мы начинаем говорить о произведении и спрашиваем о том, как оно читалось, что было трудно, что особенно понравилось, а что вызвало несогласие, даже неприятие, то есть отталкиваемся в работе от личных читательских впечатлений ребят, то разговор этот уже пробуждает в них стремление осмыслить прочитанное. Если в ходе такой беседы звучат разные, иногда противоположные, точки зрения, а перед началом обсуждения ставится задача, важная для каждого, – сопоставить свое мнение с мнениями одноклассников, такая беседа получится и будет иметь смысл. «Мышление начинается с удивления». Эту фразу приписывают Аристотелю. Здесь она весьма актуальна: в такой беседе обязательно должен прозвучать вопрос: что вас удивило в книге? И если размышление о произведении мы начнем с этого, то анализ композиции, системы образов и т. п. будет не самоцелью, которая непонятна ребятам, а стремлением объяснить, что же вызвало это удивление. Ответы на поставленные вопросы бывают серьезными и глубокими, а бывают и наивными, даже беспомощными. Но если у ученика появилось желание задуматься о прочитанном, а не только понимание необходимости сделать это на уроке, то время не потеряно даром.

И в такой беседе могут участвовать не только сильные ученики, хотя они, естественно, высказываются более интересно, обоснованно. Но учитель должен с уважением и пониманием прокомментировать каждую точку зрения.

Вторая важная основа такой работы: поставленные вопросы интересны ученикам, если они если они актуальны для них, связаны с их жизненным опытом. Борьба украинского народа за независимость, показанная в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», современным подросткам, скажем откровенно, не очень интересна. Но проблемы любви и предательства, выбора между любимым человеком и верностью товарищам, родине актуальны и сегодня. Иногда смысл повести трактуют излишне прямолинейно – как приговор предательству и прославление патриотизма. Это вряд ли может найти отклик в душе подростка, который видит, что патриотизм толкает героя на страшный поступок – убийство сына. Но ведь можно предложить им самостоятельно и разносторонне осмыслить поведение Андрия, который оказался перед трудным выбором: бросить в беде любимую девушку, подавив в душе чувство сострадания, или помочь любимой и перейти в стан врагов. Однозначно оценить его решение невозможно. Единственное, что ребята признают единодушно, – нельзя поднимать оружие на своих товарищей и родных.

Другой пример – изучение повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Восстание Пугачева – важный этап истории России, но главное, что интересует ребят при чтении и обсуждении повести, все-таки не это. Многие люди, даже читавшие повесть давно, в школьные годы, помнят эпиграф к ней: «Береги честь смолоду». Чисто теоретически это утверждение сомнений не вызывает, с ним, как правило, соглашаются, в том числе и подростки, изучающие повесть. Но вот мы подходим к сцене, в которой изображается, как Пугачев приводит к присяге жителей Белогорской крепости. Нельзя не обратить внимания на то, что Гринев отказывается поцеловать руку Пугачеву, причем тогда, когда комендант и офицер крепости уже казнены за неповиновение. В связи с этим задумываемся не только о том, что люди ставят честь выше жизни, но и обращаем внимание на то, *как* свою позицию выражают разные герои. Капитан Миронов в глаза говорит самозванцу правду, говорит прямо и даже грубо. Так же ведет себя Иван Игнатьевич. Отношение Гринева к Пугачеву проявляется по-другому: он открыто не заявляет о своей враждебности к нему, но не признает его государем, а на требование поцеловать руку отвечает молчанием. Предложим ребятам самим подумать, какая проблема, важная для всех нас, может быть поставлена на основании этого эпизода. Если опыт

поиска таких общечеловеческих вопросов у них есть, то кто-то догадается: здесь можно размышлять о том, в какой форме лучше в той или иной ситуации выразить свое несогласие или протест – открыто и прямо, но при этом оскорбляя противника, вызывая в нем чувство ненависти, или сдержанно, спокойно, но все же не роняя своего достоинства. Упоминаем обычно и о позиции Савельича, который призывает горячо любимого Петрушу сохранить свою жизнь любой ценой («Плюнь, да и поцелуй…») Как отнестись к поведению каждого из этих героев? Какая линия поведения более разумна и одновременно правильна с точки зрения морали? Такие вопросы ребята всегда обсуждают с большим интересом, и в этом обсуждении участвуют многие, не только сильные ученики. Так что же, бывает интересно всем? Разумеется, всем всегда, на каждом уроке, интересно не бывает. Но увлечь обсуждением и вовлечь в него многих ребят в какие-то, конечно, самые острые, моменты разговора о литературе все-таки, думаю, возможно.

«Зачем и кому нужна поэзия»

Книгу с таким названием написал когда-то замечательный поэт Николай Асеев. Он очень умно и увлекательно рассказывал о творчестве разных поэтов. Но и в те годы, и тем более сейчас, когда многие люди считают основой жизни материальный достаток, всем, я думаю, ясно: стихи читают немногие, и в наши дни любителей поэзии еще меньше, чем было когда-то. Уроки по поэзии проводить особенно трудно, но… Кто же может приобщить ребенка, подростка к поэзии, если ему не посчастливилось родиться в такой семье, где родители читают стихи и стараются привить ему интерес к ним? Конечно, только учитель литературы! Ведь если прозу ребята все-таки читают, передают друг другу книги, обсуждают их (пусть не всегда те, которые нам бы хотелось видеть в их руках), то читающих стихи среди школьников очень мало. Их и среди взрослых ведь немного.

Есть, правда, почти в каждом классе те, кто любит, скажем, И. Бродского или Цветаеву, и это выясняется тогда, когда на уроках заходит речь о поэтах, которые заинтересовали подростка (не только о названных, конечно). Но, во-первых, и таких немного, во-вторых, этот интерес все же избирательный, и человек, знающий наизусть немало стихотворений, например, Есенина или Маяковского, иногда произведений других авторов не знает совсем.

И здесь перед учителем встает проблема чрезвычайно сложная. Ведь надо не просто помочь юному человеку понять стихотворные строки, но и сделать так, чтобы он почувствовал их магическую силу, непонятную и необъяснимую. Здесь не место рассуждать о методике проведения уроков по поэзии. Более того, возьму на себя смелость утверждать, что такой методики нет, а есть только некоторые приемы, которые применимы к работе над одними стихами и совершенно не подходят для других.

И все же хочу поделиться некоторыми выводами, к которым я пришла, думая об этом, готовясь к урокам по поэзии и обдумывая то, что получилось, и то, что не получилось. Во – первых, важно, чтобы стихи были прочитаны учителем, а не прослушаны в записи (хотя в отдельных случаях и такое возможно для сопоставления, скажем, разных манер исполнения). Если учитель читает стихи и ученики чувствуют, что он эти стихи любит, они не могут остаться равнодушными к прочитанному, даже если не очень склонны к восприятию поэзии. Нужно, конечно, настроить их на восприятие стихов, предложить сесть удобно, чтобы ничто им не мешало слушать, отвлечься от посторонних мыслей,

перенестись в мир образов, постараться представить все, что можно увидеть внутренним зрением. Они обычно стараются все это выполнить, даже самые нерадивые, даже у учителя, которого они не всегда слушают. Но ответом на их ожидание и внимание должно быть чтение выразительное, по возможности артистическое, в которое учитель вкладывает душу, в котором чувствуется, что это стихотворение – часть его внутреннего мира. Разумеется, это чтение наизусть.

Как они слушают! Да, многие, кто не видел глаза 12-14-16-летних людей, когда они слушают стихи, могут не поверить, но я знаю по опыту и убеждаюсь в этом постоянно: ребята любят слушать стихи. Слушают их и чувствуют – многие, почти все. И я думаю, не скрою, с гордостью, что многим из них мир поэзии открыла именно я, а иначе он был бы закрыт для них навсегда. И это не потому, что я какой-то необыкновенный учитель. Поэзию открывает детям каждый учитель, который старается увлечь ею, потому что он сам ее любит. В связи с этим хочу вспомнить слова замечательного поэта Наума Коржавина: «Читатель всегда встает на место автора… Только подумайте: если человек на минуту становится, например, Пушкиным, то он становится богаче на переживание Пушкина».

И дать ему это богатство может именно учитель литературы, даже если он только прочитал стихотворение. Кто-то может возразить: что же, прочитать стихотворение и все? Конечно, нет. Стихотворение можно услышать, удивиться его красоте или загадочности (а если возникло удивление, значит удалось стихи почувствовать), но при этом его не понять. Иногда бывает непонятен самый на первый взгляд простой, буквальный смысл написанного поэтом. Значит, в этом нужно разобраться? Но есть мнение, что о стихах говорить нельзя: это их убивает. Правда, сторонники такой точки зрения не смогут ответить на вопрос: что же делать со стихами в школе? Только читать? Говорить о них, безусловно, нужно, только очень бережно обращаясь с поэтическим текстом, чтобы действительно не разрушить его очарование и магию слов. Конечно, не нужно проводить подробный анализ с разбором всех выразительных средств, определением размера, способа рифмовки. Слава богу, формат современного экзамена избавляет нас от такой необходимости. Но мы должны помочь детям понять стихотворение.

Если посвященное Каролине Собаньской стихотворение А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?» многие девятиклассники уверенно считают обращенным к читателю (так говорили мои ученики), то надо объяснить им, что «в день печали, в тишине» имя поэта (лирического героя) может произнести, «тоскуя», не

читатель, а кто-то, кого знал поэт и кто может найти утешение в мысли: «Есть в мире сердце, где живу я». Потом можно сказать об адресате стихотворения, хотя это не главное. Во всем этом мы разбираемся, беседуя о стихотворении, отвечая на вопросы о смысле отдельных строк и слов. И если делать это умно и тактично по отношению и к автору, и к читателям, то стихотворение в их восприятии не утратит своей красоты, зато станет более понятным. А следующее произведение они, может быть, сами поймут более глубоко.

Работа над собой не только для себя

Но разве на уроках должны звучать только стихи из школьной программы? Конечно, нет. Часто возникают ситуации, когда, отвечая на поставленный вопрос, учитель вспоминает, может быть, неожиданно для самого себя, совсем другие стихи и совсем других поэтов. Я думаю, уместно в ходе разговора о предназначении поэта, отвечая на вопрос о том, для кого поэт создает стихи, вспомнить строки Б. Окуджавы:

У поэта соперников нету
Ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
Это он не о вас – о себе…

Читаем стихотворение полностью, и ребята убеждаются в том, что в творчестве разных авторов звучит в той или иной форме одна и та же мысль: поэт не адресует стихи намеренно и прямо читателю, а пишет, выполняя некое указание свыше. Какова же его связь с читателем? Это ребят интересует, и об этом мы говорим, опять же на материале разных произведений, не ограничиваясь хрестоматийными примерами.

Такие ситуации, когда нужно вспомнить какие-то строки, мысли поэтов, писателей, критиков и они звучат очень уместно и помогают разобраться в предмете обсуждения, возникают на уроках часто. Если ребята спрашивают о жизни автора и о том, почему его поступки не всегда соответствуют идеям его произведений, как не вспомнить слова Л. Н. Толстого: «Лучшее, что в нем есть, писатель отдает книгам – вот отчего книги его хороши, а жизнь дурна»? А когда кто-то из героев литературы удивляет нас неожиданным проявлением своей личности, вспоминаем слова Толстого, которые были приведены выше, – о том, как человек может порой проявлять вроде бы не свойственные ему качества. Конечно, невозможно все подобные высказывания помнить наизусть, можно сослаться на какое-то из них, если можешь ручаться за точность передаваемого смысла. Но подобный запас мыслей и слов у учителя должен быть. Люди старших поколений помнят фильм «Доживем до понедельника», думаю, вообще один из лучших и по сей день фильмов о школе. Мне приходилось убеждаться с радостью в том, что его знают и многие сегодняшние школьники. Там есть очень важный разговор учителей. Героиня Нины Меньшиковой говорит почти со слезами:

«Отдаешь им все, а они…». Ей возражает учитель Мельников, роль которого исполняет Вячеслав Тихонов: «Что у нас есть, чтобы отдать, – вот о чем мы должны думать». И это очень важно: некоторые учителя, искренне преданные школе и детям, думают, что, чем больше времени они посвящают работе, тем лучше результаты. И они имеют в виду не только формальные показатели, но и отдаленные перспективы: что остается через много лет от школьных знаний, какие нравственные качества мы формируем в учениках, с каким чувством они, уже повзрослевшие, вспоминают школу. Да, они вспоминают часто с благодарностью учителей, которые проводили с ними много времени. Но чтобы проведенное с учителем время оставалось в памяти как интересное, значимое по содержанию, у учителя, я уверена, должен быть тот запас знаний, жизненных наблюдений, мыслей, который нужно постоянно пополнять.

И здесь возникает еще один очень важный вопрос: как пополнять его, как накапливать эти строки, слова, обобщения? Надо дать уроки, к ним надо подготовиться, творческие и контрольные работы проверить. Когда же читать новые книги, стихи, перечитывать то, что давно знакомо, но сегодня воспринимается иначе, чем несколько лет назад? Я выскажу мысль, которая кому-то может показаться почти кощунственной: лучше не так часто проверять тетради (не готовиться к урокам все равно нельзя), не сдать вовремя какой-то отчет, но читать, думать над прочитанным, делать выписки из книг, словом, работать над собой, учитель должен обязательно! И для этого во что бы то ни стало надо находить время. Иначе все, что мы делаем в классе, наполовину утрачивает смысл: учитель становится скучным, ограниченным человеком, и дети это чувствуют, пусть неосознанно, – учитель становится неинтересным для них.

И это та работа над собой, которая нужна не только самому учителю, но и его ученикам. Как найти для этого время – это вопрос самоорганизации. Я абсолютно убеждена: это сделать можно, если понимаешь, как это важно.

Открытия, сделанные детьми

Из всего, что сказано в последней части моих размышлений, может следовать такой вопрос: приходит к детям или подросткам человек эрудированный, начитанный, думающий, что же он находит в общении, пусть на основе серьезной литературы, с незрелыми и наивными маленькими людьми? Ученики делают открытия?

Да, как это ни покажется странным для тех, кто далек от педагогики, ученики делают открытия. Приведу некоторые примеры.

Урок по комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Мы обсуждаем вопрос об уме Чацкого. При этом, конечно, вспоминаем письмо Пушкина А. Бестужеву, в котором великий поэт, как известно, отказал главному герою комедии в уме на том основании, что умный человек не излагает свои мысли людям, которые заведомо не способны его понять. Спрашиваю ребят, как они воспринимают эту пушкинскую мысль. Многим она близка (стараюсь предостерегать их от упрощенных формулировок типа: «Я согласен с Пушкиным», хотя совсем избавиться от них в школьной практике невозможно). Но вот один ученик замечает, что в ремарке, где перечислены герои, внимающие Чацкому, есть слова «и другие». А ведь среди этих других, замечает девятиклассник, могут быть те, кто способен понять Чацкого или хотя бы прислушаться к его суждениям. Признаюсь, для меня это замечание было не менее неожиданным, чем для присутствовавших на уроке ребят.

Читаем стихотворение М. Ю. Лермонтова «Пророк». Судьба лермонтовского пророка в каком-то смысле напоминает судьбу Чацкого: его так же не понимают и изгоняют, когда он провозглашает «любви и правды чистые ученья». Возникает закономерный вопрос: в чем же смысл его творчества, если оно не понято никем? Да, он достиг единения с природой («И звезды слушают меня, лучами радостно играя»). Но все же грустно, когда у поэта совсем нет читателей, при всей сложности взаимоотношений поэта и читателя, о которой писали многие (вспомним пушкинское: «Поэт, не дорожи любовию народной…»). И тут одна девочка замечает: ведь старцы, презирающие поэта, обращаются к детям, и мы не знаем, как дети воспринимают их слова, какие выводы из них делают. Возможно, заметила Саша, детям станет интересно судьба этого человека именно потому, что его гонят, преследуют. Именно эти дети могут, повзрослев, понять те мысли и переживания, которые заложены в его стихах.

Понимание учениками двух в какой-то степени похожих ситуаций оказалось близким. Но, хочу заметить, к этому, все-таки неожиданному, выводу пришли разные ученики разных классов совершенно самостоятельно.

Еще один пример. Читаем первую часть эпилога романа «Война и мир». Конечно, многим, особенно девочкам, не нравится Наташа Ростова, которая превратилась в «красивую плодовитую самку». Кто-то говорит, что женщина, даже если она жена и мать, не должна так опускаться. А некоторые считают, что это естественно. И только одна девочка (и это первый случай в моей многолетней практике!) замечает, что Толстой впервые в течение всего повествования называет Наташу красивой, тогда как до этого он подчеркивал не раз именно отсутствие в ней внешней красоты. Значит, именно материнство дало ей то, чего она от природы была лишена.

Может быть, кому-то эти мысли покажутся наивными, но, я думаю, этим подросткам нельзя отказать в свежести взгляда на привычные, хрестоматийные литературные образы.

Конечно, подобные открытия (пусть только условно можно их так назвать) встречаются нечасто. Но ведь не это главное! Каждый ученик на уроке открывает для себя произведение литературы. Он может увидеть его совершенно по-новому, а может постичь какие-то новые идеи повести или стихотворения, дотоле ему неведомые. Может, наконец, задуматься над какими-то вопросами, которые ему даже не приходили в голову в связи с тем или иным отрывком или образом.

Удалось ли нам привести учеников к этим маленьким, но очень важным открытиям? Кто знает? На этот вопрос никогда нельзя ответить с полной уверенностью.

Иногда ребята сами признаются в том, что после обсуждения на уроках стали воспринимать произведение по-новому. Такие признания нечасты. Спрашивать об этом неудобно, потому что это в какой-то степени вынуждает ученика дать утвердительный ответ на вопрос о том, как он теперь воспринимает произведение: он же постесняется сказать, что обсуждение ничего не дало ему. И все же иногда ребята говорят, что, когда читали произведение, о многом не задумывались, а задумались тогда, когда поговорили о нем в классе.

Иногда выпускники через много лет вспоминают споры о литературе, хотя уже не помнят, конечно, их в подробностях. Но вспоминают – значит, эти споры не прошли зря.

Одна моя ученица призналась, что, перечитывала недавно, через пять лет после окончания школы, некоторые произведения школьного курса литературы и другие произведения этих же

писателей, не входящие в школьную программу. Естественно, знакомые образы воспринимаются теперь иначе, в чем выпускница и призналась. Но порадовало меня, говоря откровенно, не только желание Даши перечитать эти книги, но и то, что она искренне сожалеет: не с кем их обсудить, как обсуждали на уроках, а очень, по ее словам, хотелось бы.

Но главное свидетельство того, что разговор о литературе ведет нас к главной цели всех этих разговоров, – это сам дух такой беседы, ее тон, который определяется заинтересованностью ребят, их желанием высказать свое мнение, пусть наивно и незрело во многих случаях. Если все это есть (а это в ходе обсуждения всегда можно почувствовать), значит, «Мертвые души» или «Вишневый сад», например, будут для этих юных читателей на всю жизнь не символом скуки и принуждения, а предметом интересных размышлений. И если это так, то уроки литературы формируют читателей. И среди них могут оказаться в дальнейшем по-настоящему талантливые читатели, такие, о которых говорил когда-то С. Я. Маршак, утверждая, что они нужны литературе так же, как талантливые писатели. И эта мысль позволяет сделать очень важный вывод о роли уроков литературы не только в жизни школы, но и в жизни общества, которому нужны люди серьёзные, ответственные, способные мыслить самостоятельно.

Самая важная профессия

Кто-то, конечно, удивится и даже возмутится: учитель литературы – самая важная профессия? Люди занимаются финансами, добычей нефти и газа, рекламой. Все это приносит огромные прибыли не только тем, кто работает в этих областях, но и государству, наверное, (хотя, признаем честно, многие его граждане этого не чувствуют). Наконец, есть люди, сохраняющие самое главное и ценное для каждого из нас, – здоровье. Можно ли поставить рядом с этими важнейшими сферами деятельности скромного учителя? Причем не английского языка, который сейчас так необходим всем, и не математики, без которой невозможно знание экономики, а также многого другого, что сейчас так современно и престижно. Учителя литературы!

Понимаю, что многие не согласятся со мной и будут правы, утверждая важность всех названных и многих других профессий. И все же возьму на себя смелость утверждать: когда человек обеспечен материально, когда он хотя бы относительно здоров (абсолютно здоровых людей, как утверждают врачи, сейчас нет), словом, когда у него есть все необходимое для благополучной жизни, ему остается достичь совсем «немногого» – научиться жить в гармонии с самим собой и с окружающим его миром. Тогда не будет тоски и скуки, которая поражает часто людей здоровых и обеспеченных.

Путь к этой гармонии (а это, наверное, и есть счастье) лежит, несомненно, через овладение духовной культурой, которое начинается в детстве и продолжается всю жизнь. И в этом спасение не только от душевной апатии для каждого человека, но и от деградации для общества в целом. Об этом с тревогой пишут многие люди, которых волнует судьба культуры. Приведу слова замечательного писателя Ф. А. Искандера: «Если культура не займет свое главное место, нас ждут очень драматичные события и, может быть, даже полное вырождение человечества». Вспоминается в связи с этим и другая мысль. Когда-то в журнале «Октябрь» были опубликованы воспоминания Зои Богуславской о Василии Аксенове. Автор статьи размышляет не только о самом писателе, но и о судьбе его поколения, а также о трагической судьбе поколения родителей В. П. Аксенова, переживших ужасы сталинских лагерей. Вот слова, которые я выписала из статьи Зои Богуславской и иногда привожу ученикам: «А я сегодня уже знаю последнюю статистику, сделанную учеными, которая доказывает, что в годы сталинских репрессий в лагерях и тюрьмах выживали вовсе не самые сильные, спортивные, физически тренированные,

а люди умственного труда, *интенсивной духовной жизни*…» Все мы надеемся, что нашим ученикам не суждено испытать ужасы концлагерей и тюрем, но с жизненными трудностями им придется столкнуться, они не минуют никого. И выстоять в этих испытаниях поможет им, я уверена, именно то богатство духовной культуры, которым они овладеют. А путь к овладению ею открывают человеку уроки литературы.

Предвижу еще два возражения (их, конечно, может быть больше).

Слово «культура» имеет широкий смысл. И если понимать его широко, то человек, изучающий географию, химию или иностранный язык, тоже овладевает культурой. И все эти предметы, безусловно, важны: человек должен иметь общие представления о разных областях знаний. И все-таки к сфере духовной культуры, которая формирует не только мышление, но и душу (!) человека, из всех школьных предметов, изучаемых серьезно, относится только литература. Увы, другие искусства в школе изучаются очень поверхностно.

Другое возражение могут высказать люди, которые трудятся непосредственно в сфере искусства, можно сказать, создают его. Разве музыканты, артисты, художники не развивают культуру? Безусловно, они и люди многих других творческих, да и не только творческих профессий это делают, часто весьма талантливо и успешно. Но к тому, чтобы воспринять и глубоко понять то, что создано ими, человека должен кто-то подготовить! Не говорю «научить»: научить этому невозможно, но как-то направить его. Кто-то должен его к этой культуре приобщить. И это может сделать только учитель литературы! Другие учителя могут этим заниматься во внеурочной работе. Но только учитель литературы в своей непосредственной каждодневной деятельности доказывает взрослеющему человеку, что искусство прекрасно и неисчерпаемо многообразием форм и идей. И поэтому именно школьный словесник расширяет круг людей, которым искусство как одна из высших форм духовной жизни интересно. Остальные деятели культуры работают уже с этими людьми, с теми, кто уже пришел в консерваторию, музей, библиотеку. Но как сделать, чтобы он пришел? Чтобы таких людей стало больше?

Конечно, идеальна ситуация, когда интерес к книгам воспитывается в семье, а в школе он развивается. Многие мои ученики выросли в таких семьях, и это прекрасно. Но далеко не все семьи таковы, это во-первых. А во-вторых, даже если в семье много читают и руководят детским чтением, ребенок нуждается в ситуации обсуждения прочитанного, и не только, скажем, с мамой или папой, но и со сверстниками, он хочет услышать

разные мнения, и это возможно только на уроках литературы. Очень хочется, чтобы филологи – студенты и выпускники педвузов, которые размышляют о будущей профессии, может быть, думают, идти или не идти им в школу, осознали, что, приняв это решение, они выбирают *самую важную профессию!*

Не только литература

При всей важности и высокой значимости изучения литературы, мы понимаем, что человек широкой культуры постигает, постепенно, на протяжении всей жизни, и другие искусства. Как приобщить к ним ребят? Уроки музыки заканчиваются в 6 классе. Мировая художественная культура изучается далеко не в каждой школе. Конечно, можно пойти в театр, в картинную галерею, школьники с удовольствием откликаются на такие предложения. Хорошо, если удается потом обсудить увиденное. Это все, конечно, делать необходимо, и это делают многие учителя. С еще большим удовольствием ребята ездят на экскурсии в другие города России и зарубежья. Такие поездки тоже достигают цели тогда, когда разумно, серьезно и в то же время интересно подводятся их итоги – это должен быть не только разговор о поведении в автобусе и на экскурсиях, но и обмен впечатлениями, обсуждение того, что увидели и узнали. Всё это очень важно не только потому, что помогает расширить кругозор учеников, приобщить их к искусству, но и потому, что здесь открываются для учителя возможности общения с ребятами в неформальной обстановке, в которой мы учеников видим совершенно по-новому и они нас воспринимают иначе. И это открывает новые грани общения и возможности взаимопонимания. Но в такого рода работе есть еще две важные проблемы.

Любимая Москва

Много лет назад, составляя пресловутый план воспитательной работы, который требуется и поныне от каждого классного руководителя, я задумалась вот о чем. Многие учителя выезжают с учениками в другие города, чтобы посмотреть их достопримечательности, погулять по незнакомым улицам, приятно провести время. Эти поездки остаются в памяти надолго, и выпускники через много лет вспоминают: «А помните, как мы ездили в Новгород?» (Смоленск, Владимир, Псков).

А почему бы нам, подумалось мне тогда, не пройти по улицам нашей родной Москвы? Не экскурсия с экскурсоводом, не музей, а просто прогулка по улицам и переулкам старой Москвы, где так много всего интересного. Я взяла книгу Юрия Федосюка «Москва в кольце Садовых». В книге рассказано обо всех улицах, расположенных в пределах Садового кольца, причем есть сведения и об улице в целом, и о каждом доме. Изложено все это серьезно и в то же время легко и доступно. Предложила ребятам погулять по улицам, которые находятся недалеко от нашей школы, – по Остоженке, а потом, на другой прогулке, по Пречистенке. Желающих оказалось много. Я рассказала им об истории названий улиц, об архитекторах, которые проектировали здания, о главных особенностях представленных здесь архитектурных стилей, о людях, которые здесь жили или бывали. Вернувшись в школу после прогулки, мы пили чай, искали на карте места, по которым прошли, вспоминали то, что видели. Позже мы прошли и по другим улицам старой Москвы. А когда в этих прогулках смогли принять участия все желающие (их было немало, и пришлось по каждой улице проходить не один раз), мы провели в классе праздник, который так и назвали – праздник Москвы. Основой его была викторина, которая помогла ребятам вспомнить то, что они видели. Такие прогулки стали традиционными. С учениками разных лет я гуляла не только по названным улицам, но и по Арбату и арбатским переулкам, по району Мясницкой и Покровки, по Волхонке и Моховой, по улицам и переулкам Замоскворечья, по Варварке и Ильинке, по Большой Никитской и Тверской, по Поварской, по Спиридоновке и прилегающим к ней переулкам шли к Патриаршим прудам.

Хотя такая форма общения (не хочется использовать звучащие так казенно и сухо слова «воспитательная работа») кажется очень простой, для многих она стала неожиданной. Выяснилось, что дети и подростки очень плохо знают Москву. Собственно, подтверждений этому долго искать не надо.

Рассказывая о жизни Лермонтова, сообщаю, что он учился в Московском университете, и спрашиваю, где здание университета находилось, на что, не задумываясь, девятиклассники отвечают: «У метро „Университет“». Когда мы все-таки выясняем, что во времена Лермонтова не было метро, а также высотного здания на Воробьевых горах, ответить правильно юные москвичи (а это, повторяю, 9-й класс!) все равно не могут. Этот пример еще раз подтверждает: очень мало детей, которые гуляют по Москве с родителями не с целью посещения магазинов и ресторанов, а чтобы посмотреть город.

А ведь ребятам это очень нравится! И тем, которые давно окончили школу, и сегодняшним ученикам, путешествующим по разным странам, тем более приятно и удивительно, что в родном городе так много интересного и красивого, не меньше, чем за границей. Показать все это детям важно еще и потому, что красота Москвы особенная – скромная и непритязательная, как и красота русской природы. В ней есть неповторимое очарование, которое не бросается в глаза сразу – его надо разглядеть, а иногда еще и найти, потому что многие шедевры архитектуры, дома с интересной историей спрятаны в узких и неприметных переулках, в маленьких двориках.

Важно и другое. Гуляя по Парижу, Вене или Праге, мы и наши дети можем увидеть много прекрасного, даже такого, что буквально потрясает изяществом, яркостью, необычностью. А все, что в Москве, казалось бы, привычно и знакомо. И все-таки как часто ребята удивляются: сколько раз бывал в этом районе, а на это здание не обращал внимания, об истории этого памятника не знал, в переулок не заходил. И они открывают для себя то, на что много раз смотрели, не видя. И увиденное становится им вдвойне дороже.

И наконец, самое, может быть, важное. На экскурсии по зарубежному городу мы слышим имена, которые чаще всего мало говорят нашему уму и тем более сердцу. Это могут быть правители и герои, нам вовсе не известные. Да, конечно, Моцарт и Штраус, о которых рассказывают в Вене, известны всем. И все-таки Пушкин, знакомый с первых лет жизни, каждому из нас ближе. И дом, где Пушкин танцевал на балах, уже этим одним для нас дорог, даже если в нем больше нет ничего интересного. А если на этой же улице мы видим дома, связанные с именами Серова, Врубеля, Толстого, Есенина, Пастернака (и все это действительно на одной улице, Пречистенке), город начинаешь чувствовать, узнав это, совсем по-другому.

Такие прогулки по Москве очень увлекательны, и я надеюсь, их будет еще немало. Ведь Москва – это огромный, поистине

безграничный мир, который можно познавать всю жизнь.

Дети слушают музыку

Некоторым название этой главы покажется банальным и потому неинтересным. Подумаешь, нашли чем удивить: дети слушают музыку! Да, конечно, они слушают ее и без нас и лучше нас разбираются в современных ее течениях, эта музыка звучит в их наушниках, под нее они танцуют на дискотеках.

Речь идет, конечно, о другой музыке. Когда Л. Н. Толстой говорил, что «музыка – это наиболее яркое практическое доказательство духовности нашего бытия», он имел в виду музыку серьезную, то есть классическую. А вот ее-то плохо знают не только школьники, но и многие взрослые, даже те, которые считают себя интеллигентными людьми. Как приобщать к ней ребят?

На уроках литературы отдельные музыкальные фрагменты уместны. Читая стихи Пушкина или Тютчева, мы слушаем романсы на слова этих стихотворений. Когда изучаем роман «Евгений Онегин», обращаемся к некоторым отрывкам из оперы Чайковского. Обсуждая роман И. А. Гончарова «Обломов», представляем, как Ольга Ильинская пела «Casta diva», и слушаем аудиозапись. Но это все отдельные, причем достаточно редкие, моменты уроков.

И здесь я решила использовать ту особенность уроков русского языка, которая есть только у этих уроков. Я имею в виду то, что на уроках русского языка можно говорить практически на любую тему. О каком еще уроке мы можем это сказать? На уроках биологии изучаются живые организмы, на истории – исторические события. Изучение любого предмета определено направлением соответствующей науки.

А учитель русского языка может составить сложносочиненные предложения, которые изучаются на уроках, о чем угодно! Здесь открывается необыкновенный простор для фантазии. И сейчас изданы сборники текстов и диктантов, содержание которых интересно не только в языковом, но и в содержательном отношении. Есть даже сборник диктантов, который так и называется – «Увлекательные диктанты». Там много интересных текстов. Только все эти тексты тематически очень разрозненны.

Мне захотелось весь материал уроков подчинить одной теме, и, поскольку знакомство с классической музыкой мне казалось очень важным, я стала сочинять тексты именно на эту тему. Для этого я выбрала такие музыкальные произведения и фрагменты, которые увлекают, завораживают своей мелодичностью и поэтому воспринимаются довольно легко даже человеком

неподготовленным. Таких произведений сначала было не очень много, а сейчас в моей своеобразной коллекции их больше шестидесяти. Очень неожиданно звучит классическая музыка в привычном школьном классе, а потому и воспринимается она острее, и запоминается лучше. Некоторые произведения ребята узнают, например «Серенаду» Шуберта, «Грезы любви» Листа и некоторые другие. Их знают чаще всего ученики музыкальных школ. Но даже Второй фортепианный концерт Рахманинова или скрипичный концерт Чайковского, услышав звучание основной темы, редко кто-то называет. Иногда мы сначала записываем предложения о композиторе или произведении, делаем соответствующие разборы, а потом слушаем. Иногда, наоборот, слушаем, а потом записываем. Бывает, что к каким-то произведениям обращаемся через какое-то время еще раз, и тогда многие говорят: «Да, знакомое, раньше слушали». А некоторые называют произведение и композитора.

Уроки русского языка, которые, скажем правду, многим детям кажутся скучными, становятся живее, интереснее, не говоря уж об эмоциональной составляющей их, которую привносит музыка. Это, разумеется, не исключает того, что думающий учитель старается разнообразить их и интересными формами работы и языковым материалом.

Так во время прогулок по Москве дети знакомятся с некоторыми, самыми общими, основами архитектуры. А на уроках русского языка хотя бы в небольшой степени приобщаются к классической музыке.

О России

Понимаю, что название этой части записок тоже может вызвать недоумение. Так много написано и сказано о России! Так много в отношении к ней сложного, спорного, противоречивого… Но и это отношение, как многое другое, формируется в школьные годы и закладывается школой.

Многие люди сегодня, критически оценивая политику нашего государства, отождествляют его со страной и считают, что подобное критическое отношение ставит под сомнение любовь к ней. Многие подростки и молодые люди хотят уехать в страны более благополучные и удобные для жизни, и это, безусловно, их право. Все это вызывает размышления, которыми хотелось бы поделиться.

В школьном курсе литературы мы изучаем в основном произведения русских писателей. Среди этих произведений немало таких, которые посвящены непосредственно теме России, написаны о любви к ней. Но все изучаемые произведения так или иначе изображают Россию, русский народ, раскрывают проблемы его жизни. Думаю, что одной из задач преподавания литературы является воспитание на материале изучаемых книг любви к своей стране, желания понять ее и разделить ее судьбу. Читать вместе с учениками стихотворение А. Блока «Россия» и думать о том, что хорошо бы жить, например, в Швейцарии? На мой взгляд, это как-то странно, хотя, повторяю, право каждого решать это по-своему. Можно ли прочитать «Записки охотника» И. С. Тургенева и не проникнуться теплым чувством к той стране, которая там изображена? Мне ответ на этот вопрос представляется достаточно очевидным, хотя я знаю и учеников, и своих коллег, в том числе учителей словесности, которые отвечают на него иначе.

Изучая в 9 классе роман Пушкина «Евгений Онегин», мы не можем не обратить внимание на слова: «Татьяна, русская душою…» Конечно, строчка хрестоматийная, но ведь каждый ученик воспринимает ее впервые. И я задаю обычно такой вопрос: какое отношение вызывает у вас это ярко выраженное русское начало в душе главной героини? Кстати, она единственная истинно русская из четырех главных героев. Почему? Ведь выросла она на французских и английских романах. Ее сестра Ольга этих романов не читала, а воспитывалась в той же семье, где хранились «привычки милой старины». Но о русской душе Ольги ничего не сказано. Почему же Татьяна выросла человеком с русской душой? Приходим к выводу, что дело здесь, скорее всего, в ее эмоциональной чуткости, восприимчивости, благодаря

которой она это русское «всосала из того воздуха, которым она дышала», как скажет о своей любимой героине Наташе Ростовой Лев Толстой. Мы вспоминаем эти слова Пушкина о русской душе Татьяны, когда читаем о том, как танцевала Наташа русский танец, в котором видны были дух и приемы, «неподражаемые, неизучаемые, русские». И размышляя об этом, приходим к выводу, что человек с богатой душой все же привязан к своей стране, тоскует вдали от нее, переживает ее трудности и невзгоды, гордится ее достижениями.

Вспоминаются в связи с этим слова И. П. Павлова, ученого с мировым именем. Эти слова я привожу в разговоре с учениками. Вот они:

«Волнующее чувство испытываю я, когда доводится выступать перед иностранцами. Невероятно остро понимаешь тогда, что русский ты человек и каждая капля твоего дела приносит родине пользу или вред… Только пустые люди не испытывают прекрасного и возвышающего чувства родины». А ведь великий ученый лучше многих знал жизнь других стран, видел, наверное, недостатки российской действительности, но чувствовал себя русским. Думаю, это чувство должно быть в душе каждого человека, и мы должны его формировать в детях.

Поэтому, слушая отрывки из различных музыкальных произведений, обращаем внимание на русских авторов, вспоминаем с чувством причастности об отечественных исполнителях, о Международном конкурсе Чайковского, проходящем в Москве.

А гуляя по московским улицам, убеждаемся в том, как интересна и прекрасна Москва, обращаем внимание на то, что в ее облике отразились все архитектурные стили, разные эпохи, многие страницы истории России и ее культуры. Все это причудливо смешано и часто скрыто от поверхностного взгляда. О неповторимом очаровании нашего города уже было сказано. Это еще один повод задуматься о своих корнях и истоках – о нашем общем большом доме, который называется Россией.

Карьера учителя и его награды

Когда-то вообще стеснялись произносить это слово – карьера. Считалось, что стыдно быть карьеристом. И все же многие и в прежние времена делали карьеру, поднимались по служебной лестнице. И если они достигали этого честными путями, добивались своим трудом, что ж, может быть, и нет в этом ничего дурного: людям свойственно стремиться к успеху. Но ни в какие времена учитель не мог сделать карьеру: он приходил в школу со студенческой скамьи и становился учителем, заканчивая свой путь в профессии в той же должности. Учитель, ставший кандидатом, а тем более доктором наук, – это редкость, и таких учителей намного меньше, чем, например, врачей, обладающих ученой степенью. Причин несколько, и здесь не место об этом рассуждать. Но это еще одно доказательство того, что карьеры в привычном смысле для учителя не существует. К чему же стремится учитель в своем деле и чего он может добиться?

Передо мной альбом с фотографиями. Некоторые снимки очень большие: на них запечатлены целые классы, а иногда и весь выпуск в день Последнего звонка. Другие ребята сняты группами или по одному. Вот Лена Суркова, она закончила школу еще в 85-ом, а теперь я учу ее сына.

Вот Алеша Кузнецов, Слава Потапкин, Оля Мясникова. Они тоже из этого выпуска и недавно приглашали нас, своих учителей, чтобы отметить 30-летие окончания школы. Вот выпуск 94-ого. Антон Черменский, Миша Новиков. Мишину дочку я тоже учу. Хороший был класс. Впрочем, каждый класс хорош по-своему и по-своему труден, хотя все-таки какие-то из них вспоминаешь с теплотой, а какие-то и с горечью, но и в таких классах, с которыми было тяжело, были, конечно, хорошие ребята. И в каждом из этих ребят учитель оставил частичку своего ума, знаний, любви. Идут годы – таких людей становится, естественно, все больше. Они приходят, звонят, поздравляют с праздниками, приглашают в гости, приводят своих детей. Кто-то говорит слова благодарности, даже через много лет. Кто-то приходит или звонит. А кто-то помнит учителя, никак не показывая этого. Мы иногда узнаем об этом случайно, а иногда не узнаем вовсе. И тогда порой появляются грустные мысли, которым не надо поддаваться: кажется, так много душевных сил отдано этому Андрюше или Степе, а он закончил школу и больше не появился ни разу. На выпускном вечере кому-то подарили много цветов, а другому учителю – меньше, и в его душе появляется чувство обиды, разочарования. Учителя в большинстве своем женщины, а

женщины острее и более болезненно реагируют на то, на что мужчина может и не обратить внимания. Конечно, надо стараться преодолевать подобные чувства, побеждать их, но это удается не всегда. Ведь благодарность учеников, высказанная или невысказанная, сознание той роли, которую ты сыграл в их судьбах, пусть не всех, но хоть некоторых, – это и есть то, что заменяет учителю карьеру в традиционном понимании этого слова.

Иногда говорят, что решающую роль в воспитании человека играет семья, а влияние школы, учителей принято преувеличивать. Иногда это утверждают сами учителя. Думаю, связано это чаще всего с тем настроением отчаяния, которое часто возникает в общении с тем или иным учеником. А настроение такое, откровенно говоря, бывает. Возишься с ним, возишься, ведёшь душеспасительные беседы, а толку никакого. Тут-то и появляется мысль, которая кажется спасительной: виноваты родители, их влияние решающее. Влияние семьи огромно, сама атмосфера отношений в родительском доме формирует человека. Но только в школе, только под руководством учителя он включается в активную деятельность, которая определяет то, каким он станет. Вспоминаю одного ученика, который признался, что читать-то он всё равно бы читал, спасибо родителям, но вот умение понимать литературу, чувствовать её сложилось у него на уроках литературы. И это один из многих примеров.

И учитель словесности, если у него есть основания полагать, что именно он открыл ученику мир литературы, пробудил в душе подростка желание этот мир не покидать никогда, такой учитель может считать, что делает самое главное дело – наполняет жизнь духовным содержанием. Разве это не важнее высокой должности или почетного звания?

В том самом разговоре о профессии учителя я сказала ребятам, что в этой профессии немало трудностей, но есть одно преимущество, которое отличает ее от всей других. Буквально от всех! Учитель каждый день приходит на работу к людям, которых он любит. Эта любовь остается с ним и тогда, когда дети вырастают и уходят из школы.

Если это мой ребенок

Некоторые люди по простоте душевной считают, что учительский ребенок должен быть положительным во всех отношениях именно потому, что мама – учительница. А если с таким ребенком возникают проблемы, значит, мама – плохой педагог. Если она учит и воспитывает чужих детей, как же она не смогла воспитать сына или дочь? Такие рассуждения часто приходится слышать, но в них отражается очень упрощенный взгляд на воспитание.

На самом деле все гораздо сложнее: воспитание – процесс неоднозначный, его определяют многие разные обстоятельства, здесь никаких однозначных рекомендаций дать нельзя.

Со своим родным ребенком все и сложнее, и проще, чем с учениками. Далее я попытаюсь объяснить почему.

Общение с ребенком – главное

Маленький ребенок своей беззащитностью и доверчивостью, своим обаянием, присущим только детям, вызывает умиление и нежность. Удивительны люди, которые, глядя на малыша, таких чувств не испытывают. Конечно, малыш требует постоянного внимания и заботы – общение с ним очень радостно, приятно, но и утомительно.

Он только начинает познавать и осваивать мир, поэтому он чрезвычайно активен – бегает, прыгает, хватает все, что видит, не понимая, естественно, что это может быть и опасно, он задает множество вопросов, изобретает новые виды деятельности, в которые пытается вовлечь взрослых. А взрослым хочется спокойно делать те дела, которые кажутся им важнее детской игры, – убрать в комнате, сварить борщ, погладить белье. Разумеется, все это делать нужно. Но выскажу мысль, которая кому-то, знаю, покажется нелепой, а кого-то просто возмутит: общение с ребенком важнее хозяйственных дел. От них никуда не уйдешь, и хорошо, если кто-то помогает маме с ними справляться. Но все бытовые заботы направлены на создание условий благополучной и в конечном итоге счастливой жизни. А где же сама жизнь? Об этом рассуждает Илья Ильич Обломов из романа Гончарова. Поставленный перед необходимостью решать разного рода практические проблемы, видя, как бьются другие люди над их решением, герой романа задает себе именно этот вопрос: «Когда же жить?» Я знаю семьи, где образцово ведется хозяйство, но душевный контакт с ребенком утрачен, и поэтому никакой бытовой комфорт не приносит радости. И это еще раз убеждает в том, что общение с ребенком – главное, в каком-то смысле вообще самое важное содержание жизни. Вопросы быта решать необходимо, но помня при этом, что они не должны заслонять основного. Да, сначала почитать ребенку книжку, а потом помыть пол, приготовить второе и не делать салат, чтобы лишние полчаса с ним погулять. А что-то сделать вместе и превратить ненароком в игру, хотя сделать самой гораздо легче и спокойнее, но пусть он думает, что помогает маме (это в конце концов научит его по-настоящему помогать). Но всегда помнить, что общение с ребенком – это самое главное, и пользоваться тем, что, пока он маленький, для него это, безусловно, так: общение с родителями важнее всего. Он подрастет – многое изменится. Это не значит, что он отвернется от родителей, но общение будет другим, о чем речь впереди.

Как общаться с ребенком

Важно, разумеется, не только то, как много мы общаемся со своими детьми, сколько времени проводим с ними. Важно то, как строится это общение, на чем оно основано. Я задавала не раз своим ученикам вопрос: чего вы ждете от родителей? Как вы думаете, что они могли ответить? Да, конечно, любви. Но ребята очень быстро соглашались, что любые родители любят своих детей, мы не говорим сейчас о матерях, которые бросают детей, отказываются от них, мы говорим о большинстве семей, где родительская любовь все-таки есть. Важно, в чем она проявляется. А в чем она должна проявляться? – спрашиваю я. И здесь в обсуждении наступает пауза. Некоторые, подумав, предлагают ответ: в заботе. Но и здесь приходим к подобному выводу: многие родители заботятся о своих детях, более того, есть такие, и их немало, которые проявляют эту заботу слишком навязчиво. «Надень шапку, не сиди долго у компьютера, приходи пораньше домой» – перечень этих требований и советов можно продолжать. Это тоже забота, но она начинает в какой-то момент раздражать, хотя эти рекомендации родителей могут быть по существу разумными. Наконец приходим к выводу, с которым соглашаются все: более всего ребенок нуждается в понимании, и чем старше он становится, тем для него это понимание важнее. В чем же оно должно проявляться?

Пока он маленький, – в осознании того, что он другой, не такой, как взрослые люди, у него другое восприятие жизни, другая организация психики и другой темперамент. Поэтому он не может долго сидеть на одном месте, долго заниматься каким-то одним делом, удерживать внимание на чем-то. А взрослым очень удобно и нравится, если ребенок тихо сидит и листает книжку или рисует. Еще Януш Корчак в своей знаменитой, очень мудрой книге «Как любить ребенка» писал, что дети бывают удобные и неудобные. Удобные – это послушные, тихие, спокойные. Они могут в будущем сформироваться по-разному. Многие из них вырастают вялыми, пассивными, равнодушными, хотя это вовсе не обязательно. Есть дети очень активные, подвижные, энергичные. Такими чаще бывают мальчики, хотя и это не всегда так, и девочки тоже бывают разными. Это, по Корчаку, неудобные дети: с ними трудно, неспокойно. Таким был мой сын, и с ним было нелегко, но, как с любым таким ребенком, очень интересно: все время какие-то идеи, которые он хотел немедленно воплотить в жизнь, как правило, с кем-то из взрослых, потому что одному это осуществить трудно. А

взрослым трудно разделить эти интересы ребенка.

Вспоминается тот же роман Гончарова «Обломов». Маленькому Илюше хочется бегать, играть в снежки. А няня говорит: «Ах ты, господи, что за ребенок, что за юла такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно!» А что стыдно? То, что в самой природе ребенка. А после того как Илюша играет в снежки, его отпаивают всякими снадобьями, тщательно укутывают, хотя, как замечает автор, «ему бы одно могло быть полезно: опять играть в снежки…» Чем это закончилось, каким стал Илюша, когда вырос, всем известно из романа. Конечно, его пассивность, инертность сформированы разными обстоятельствами, в том числе особенностями уклада русской жизни 19 века. Сегодня ребенок, которого подобным образом воспитывают, вырастет, скорее всего, другим: время другое. И все же такое воспитание повлияет на него не лучшим образом. А в основе лежит непонимание взрослыми ребенка, нежелание войти в мир его интересов.

Надо ли баловать детей

Понимаю, что все сказанное, а в особенности название этой части записок вызовет у многих протест: позвольте, скажут мне, это значит надо потакать всем прихотям своего чада? Ему три или четыре года, а я буду делать все так, как он захочет? Подобные вопросы появятся в первую очередь у тех людей, которые твердо уверены: детей нужно воспитывать строго. Людей, которые убеждены в этом, много, особенно в нашем обществе, которое много лет строилось (повторю то, о чем уже говорилось) на авторитарной модели отношений. В связи с этим возникает деликатный и очень болезненный для многих вопрос о возможности физического воздействия на ребенка, то есть, попросту говоря, о том, можно ли ребенка ударить. Знаю многих родителей, которые позволяют себе это. Знаю многих взрослых людей, которых воспитывали подобным образом. Удивительно, когда такими папами и мамами оказываются люди, на первый взгляд интеллигентные. Не могу понять, как ударить человека (неважно, маленького или уже подросшего) может тот, кто читает серьезные книги или слушает классическую музыку. Не знаю ни одной семьи, где при таком воспитании отношения между детьми и родителями сложились бы благополучно. Нет, это не обязательно явный и открытый конфликт, но что-то в таких семьях всегда не складывается. Вспоминаю семью, хорошо мне знакомую, где мама вот так сурово (а я бы сказала, жестоко) наказывала дочь. Несмотря на это, для дочери она была самым близким и дорогим человеком. Но вот эта девочка выросла и стала свою дочку воспитывать такими же методами. Дочка выросла – она относится к матери с нескрываемой жгучей ненавистью. Не хочу сказать, что это связано только с подобными методами воздействия на ребенка, но они сыграли здесь, думаю, немалую роль. И хотя принятый недавно закон такие методы воспитания запрещает, от них, конечно, далеко не все готовы отказаться.

Хорошо, скажут многие, читая эти строки или независимо от них, бить детей нельзя, но надо же требовать от них послушания, как же иначе? Идти на поводу у ребенка? Каким же он вырастет?

В одном из вариантов школьной программы по литературе есть рассказ И. А. Бунина «Цифры». Он изучается в 7 классе, когда ребята, конечно, к обсуждению проблем воспитания не готовы. Но проблемы эти поставлены в произведении весьма интересно. Здесь не место пересказывать его содержание, каждый желающий может его прочитать. Главное, что дядя, от имени которого

рассказана история, обращается к племяннику, уже взрослому, вспоминая ссору с ним, когда тот был ребенком, и по прочтении рассказа у читателя не остается сомнений: дядя осуждает себя за проявленную когда-то строгость. С какой самоиронией звучат слова: «Я, видишь ли, очень, очень умный дядя…» Решая вопрос о том, показать ли мальчику цифры, о чем ребенок умоляет его, он не слушает голос сердца, а рассуждает: «Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать детей». Понятно по всему контексту произведения, что о мудрости этого правила дядя говорит, конечно, с иронией. Мальчик просит, чтобы его научили узнавать цифры, а дядя отказывает, чтобы не баловать ребенка! Это же абсурд! Такому желанию надо радоваться. А если ребенок просит новую игрушку? А если он не хочет, скажем, убирать свои вещи? А если… Примеры можно приводить бесконечно. Любое желание ребенка, конечно, выполнять не нужно, а некоторые из них выполнить просто невозможно. Как же быть? Многие родители ждут универсальной рекомендации, которая годна для каждого подобного случая. Другим кажется, что такой рецепт правильного поведения они уже нашли. Очень хочется, чтобы он был, особенно хочется тем людям, которым кажется, что у них много более важных дел, чем воспитание ребенка и формирование правильных отношений с ним.

Слушать и объяснять

Да, я думаю, самое главное именно это. В этих двух словах заключено решение многих проблем воспитания, именно так можно найти выход из многих трудных ситуаций. Кто-то скажет, что это очевидно. И я знаю семьи, в том числе и моих учеников, где это правило считается непреложным. Если ребенок, независимо от возраста, чего-то хочет или, наоборот, не выполняет того, что требуют от него взрослые, надо выяснить, в чем причина этого желания или нежелания, а для этого надо его выслушать. Может оказаться, что и причины-то никакой нет: ведь не все поступки и желания маленького человека четко мотивированы. Тогда, обсуждая это со взрослым, он, скорее всего, сам поймет бессмысленность своих требований или невыполнения требований взрослых. Но чтобы он это понял, ему надо все объяснить. В каких-то случаях это будет серьезное и пространное объяснение, а когда-то – несколько слов, а может быть, в данный момент у вас нет возможности что-то объяснять, и вы договоритесь, что разговор состоится позже, но он все равно должен быть.

Я знаю и другие семьи, где действует правило: «я сказала, значит, так надо». И даже если это правило, как говорится, работает на каких-то этапах общения, рано или поздно оно действовать перестает.

Приведу пример из жизни хорошо знакомой мне семьи. Это семья, где растут два мальчика, которых, безусловно, любят. И отношения в семье теплые и сердечные. Но вот возникает такая ситуация. Соседи пригласили Алёшу в гости. Было как раз время ужина, и Алёше предложили поужинать вместе с сыновьями соседей, почти его ровесниками. Мальчик спрашивает у папы, можно ли пойти. В ответ однозначное: «Нет!» Ребенок начинает уговаривать папу – ответ повторяется. И так несколько раз. Заканчивается все слезами и обидой. Да, конечно, слезы высохнут, и обида пройдет. Но… Присутствуя при этом, я пытаюсь объяснить: «Понимаешь, Алёша, это не очень обеспеченная семья: четверо детей, работает один папа. Им нелегко накормить ужином еще и тебя». Ребёнок возражает: «Они спросили у мамы, и она разрешила». Я объясняю, что маме просто неудобно было отказать мальчикам, тем более по такой причине. Прекратились слезы, исчезло обиженное выражение лица. Проблема была решена. Ребенку надо было только объяснить причину отказа. Если бы это не было сделано, он продолжал бы любить папу и, наверное, как говорят в таких случаях, слушался

бы старших. Но в сознании закрепляется таким образом модель поведения типа «приказано – исполняй». Разве это правильно? Разве такого человека, бездумно исполняющего приказы, мы хотим вырастить?

Настаивать ли на своем

И все-таки часто в повседневной жизни возникают ситуации, когда ребенок должен, с точки зрения взрослых, что-то сделать, а он это делать не хочет. И опять многим папам, мамам, бабушкам кажется, что он должен просто подчиняться их воле, потому что они взрослые. «Собери игрушки! Надень шарф! Выключи компьютер!» Подобных требований много. Как быть в таких случаях? А давайте задумаемся: так ли важно, чтобы он именно сейчас сделал именно то, чего вы от него требуете? Стоит ли выполнение этого требования тех душевных сил, которые уходят очень часто на то, чтобы этого добиться? Сначала разговор на повышенных тонах, потом крик, нередко слезы. В конце концов взрослый может добиться своего. Одна подобная ситуация, другая… И взрослый человек начинает восприниматься не как друг, а как руководящая инстанция. Воспитывая ребенка, я сформулировала для себя правило: настаивать на своем только в тех случаях, когда выполнение требования принципиально. И это должно быть действительно важно, не потому, что мама так привыкла, что так делали её родители, что она так и только так видит ситуацию, а потому что это имеет значение для формирования важнейших нравственных качеств ребёнка или для его здоровья.

Это может показаться невероятным, но таких ситуаций за всю жизнь моего сына было всего две! Однажды, когда ему было пять лет, он вдруг отказался принимать лекарство, которое принимал каждый день и которое было для него жизненно необходимым. Тут я была непреклонна, но и он не отступал от своего. Видя, что никакие слова не помогают, я просто расплакалась. Сын, никогда не видевший меня в таком состоянии, думаю, просто испугался и согласился проглотить таблетку.

Второй случай произошел, когда Сережа уже учился в шестом классе. Занятия шли то в первую, то во вторую смену. И вот однажды вечером он пришел с заданием по геометрии, которое нужно было выполнить к завтрашнему утру. Он с возмущением заявил, что делать его не будет, потому что это неправильно – задавать задание вечером на утро, когда все устали и времени на домашнюю работу мало. Может быть, в какой-то степени он и был прав. Но главное – ему не хотелось выполнять задание, потому что для этого нужно было преодолеть свою усталость, а пожалеть себя и найти отговорку очень соблазнительно. Я сказала, что бывают случаи, когда нужно что-то сделать вопреки усталости, когда не нужно жалеть себя. Тем более это должен уметь мужчина

– человек сильный и волевой. Меня поддержал мой папа, Сережин дедушка. И задание было выполнено. И дело здесь, конечно, не в геометрии, а в выработке определенных черт характера.

Вот две ситуации, когда настаивать на своем, я думаю, было нужно. В остальных случаях, когда речь не идет о чем-то принципиально важном, нужно договариваться, вместе обсуждать возможные варианты, искать компромиссные решения. И наконец, давать ребенку возможность решать самому или даже создавать у него иллюзию, что это его решение. Если мама говорит утром: «Ни в коем случае не выходи без шапки!» – у ребенка, тем более подростка, это вызывает протест. Каждый такой случай влияет на отношения его с этим взрослым человеком. Когда папа в этой же ситуации наступления мороза произносит как бы между прочим: «Сегодня минус десять», – сын отвечает: «Я понял». Раздражения не возникает, потому что человеку дали возможность самому принять решение. И это тоже случай из реальной жизненной практики.

О детском чтении

Все сказанное остается в силе даже тогда, когда речь идет о чем-то важном, но все-таки не принципиальном. И здесь необходимо проявить гибкость. Так мне приходилось решать проблему приучения ребенка к книге.

Ко мне как к учителю литературы часто приходят родители с жалобами на то, что ребенок не хочет читать. Неудобно говорить это взрослым людям, но, чтобы ребенок любил читать, надо, чтобы он видел любовь к книге родителей и других взрослых, которые его окружают. Если старшие читают, важно, конечно, *что* именно они читают. А если они отговариваются нехваткой времени, то сын или дочь будут ссылаться на это же или на что-то другое. Но ведь если родители много читают, причем читают серьезные книги, это не значит, что ребенок будет любить читать. Как приучить его к этому?

И здесь, конечно, нет универсальных рекомендаций. Действовать нужно, как говорят в народе, «не мытьем, так катаньем». Сначала побольше читать ему вслух, не оставляя этой привычки даже тогда, когда он сам читать уже умеет. Потом читать друг другу по очереди. Внимательно относиться к выбору книг. Об этом нужно сказать подробнее. Мне, конечно, хотелось всегда, чтобы сын читал классику, не обязательно 19 века, есть ведь и произведения 20 столетия, которые уже стали классическими. Но от современной, так сказать, массовой литературы, и детской, и взрослой, тоже ведь никуда не денешься. Запретить? Даже если это и возможно, то ведь только до поры до времени. Когда рос Сережа, многие дети читали так называемые ужастики. Он тоже захотел их почитать. Было ему тогда лет 10–11. Я предложила поехать в «Детский мир» и выбрать те книги, которые ему понравятся. Можно было, конечно, и в нашей огромной библиотеке найти такую книгу, но для ребенка было важно само событие – поездка в магазин за книгой для него. В отделе детской литературы мы увидели и пресловутые ужастики, и серьезные книги известных авторов. Мы договорились, что Сережа выберет одну-две книжки из серии ужастиков и столько же – с другой полки. Он легко на это согласился, прочитал и то, и другое. Так мы поступали не один раз. А потом интерес к ужастикам исчерпался сам собой, и сын стал читать совсем другие книги. Но какие?

Это тоже немаловажный вопрос. Многим родителям, любящим читать и помнящим свои детские увлечения из мира книг, хочется, чтобы их любимые книги читали их дети. Это

естественно, но… Ребенок – это близкий нам, но все же другой человек. Когда-то я с увлечением читала роман Этель Лилиан Войнич «Овод» и была почти уверена, что мой сын тоже увлечется этой книгой. Он начал читать, прочитал сначала немного: «Неинтересно». Я посоветовала почитать еще: может, впечатление изменится. Нет, как говорится, не пошло. И не надо в таком случае ребенка (уже тогда подростка) заставлять! Чтение должно быть радостью, радостью нелегкой, не бездумной, но все-таки радостью, удовольствием. Опять же настаивать на своем и в этом случае можно только тогда, когда речь идет о чем-то принципиальном. Я представляю, что можно все-таки прожить без «Овода», но уверена, что невозможно сформировать богатый внутренний мир, не прочитав «Анну Каренину» Льва Толстого. Зная мое отношение к этому роману, Сережа не мог его не прочитать. Правда, прочитав, принял эту книгу так же, как и я.

Так что можно и в наш век высоких технологий приучить ребенка к чтению. И среди моих учеников немало таких, которые любят читать и читают много. Но все-таки настаивать на своем, в частности тогда, когда речь идёт о книгах, надо только в исключительных случаях.

Как родители восхищаются своими детьми

У тех, кто читает эти записки, может возникнуть закономерный вопрос: а каков же результат такого воспитания? Ведь только в том случае, если он, условно говоря, положительный, можно быть уверенным, что все изложенные мысли правильны. Какого человека удается воспитать, следуя всем этим правилам?

Эта часть заметок не случайно так названа. Есть определенная категория родителей, которые восхищаются своими детьми. «Витя такой талантливый!» «Голова у Миши прекрасная, просто он невнимательный». Нередко приходится слышать подобные заявления, и не только в школе от родителей учеников, но и от родных и друзей, когда они говорят о своих детях. Меня всегда удивляет, как люди не понимают, что такие слова, во-первых, звучат нескромно, а во-вторых, оценка мамы или папы может не соответствовать объективной оценке постороннего человека. И тогда слова о том, как ребенок красив или умен, могут показаться даже смешными, если мнение учительницы, соседки, родственницы не совпадает с мнением родителя, горячо любящего ребенка, а потому и необъективного к нему. Конечно, воспитанный человек не скажет, а только подумает, слушая вас, что вы преувеличиваете достоинства своего сына или дочери.

Никогда ничего подобного я о своем сыне не говорю, хотя для меня (но именно для меня!) он лучше всех на свете. Пытаюсь при этом посмотреть на него со стороны, чтобы увидеть и недостатки. Поэтому и здесь не буду хвалить его.

Могу сказать только в общем о тех сторонах его личности, характера, которые очевидны и ни у кого из знающих Сережу людей не вызовут возражений. Он человек серьезный, ответственный, воспитанный. Он закончил магистратуру в Педагогическом университете, параллельно занимаясь преподаванием на курсах английского языка. У него есть друзья. Он участвует в благотворительной деятельности одной из организаций, которые ею занимаются. Он читает серьезную художественную литературу, классическую и современную, в выборе книг часто советуясь со мной, хотя наши вкусы не всегда совпадают. Важно ведь не то, что нам могут нравиться иногда разные книги, а то, что он понимает: без Толстого или Чехова, а также без книг тех писателей, которые пишут, следуя их заветам в искусстве, полной и осмысленной жизни быть не может. Знаю, что не все люди, даже считающие себя интеллигентными, с этим согласны. Но мой сын разделяет мою точку зрения, хотя я не

пыталась никогда ему эту точку зрения навязать, а может быть, разделяет именно поэтому. Словом, он человек, думаю, достойный, состоявшийся во многом на данном этапе своей жизни.

У меня с ним сложились отношения, построенные на уважении и доверии. Мы много общаемся, обсуждаем самые разные проблемы. Мы ходим вместе на выставки и спектакли, вместе путешествуем. При этом и у него, и у меня есть, как говорят в таких случаях, своя жизнь – друзья, увлечения, учеба, работа.

Думаю, что это один из многих примеров, доказывающих, что понимание и уважение как основа воспитания приводят к хорошим результатам.

Могу ли я утверждать, что мне все удалось в воспитании? Есть ли такие качества, которые я хотела бы видеть в сыне, а их нет, или они выражены недостаточно? Конечно, есть, и я думаю, это неизбежно. Создавать некий образ идеального человека, такого, каким ты хочешь увидеть взрослого сына или дочь, – дело безнадежное: жизнь всегда внесет свои коррективы, и полного соответствия не будет. Еще хуже делать ребенка заложником своих амбиций: он должен быть отличником, должен поступить на бюджет в самый престижный вуз. А может, у него недостаточно способностей или он не хочет учиться именно в этом вузе? Сколько я видела пап и мам, которые приходят в школу и сокрушаются: «Я закончила школу с медалью, а он…» А он и не обязан повторять маму и папу, быть их улучшенной копией. Он другой человек, и у него другая жизнь. Но то, что принципиально важно для них, родители должны ему передать. И в значительной степени от них зависит, удастся ли им это сделать.

Как воспитать в ребенке интерес к себе

Да, это тоже важный вопрос. Пока он маленький, ему интересно все и интересны все люди. А родители для него – непререкаемый авторитет. Но если отношения в семье строятся на тех правилах, о которых говорилось выше, то у маленького человека может сложиться впечатление, что все вокруг делается прежде всего для него. Ему читают, с ним играют, ему рассказывают о том, как устроен мир, его учат всему, с ним гуляют, ему покупают игрушки и книжки – словом, делают все, чтобы он развивался активно и правильно. Я уж не говорю о том, сколько возятся с ним и как за него переживают, когда он болеет.

Но ведь у мамы, папы, бабушки свои заботы, проблемы, трудности. Они могут очень уставать на работе и от домашних дел. Они тоже болеют, хотя умеют, конечно, в отличие от малыша, свои недуги преодолевать сами. Обо всем этом он, разумеется, не задумывается, пока он мал. Но вот он подрастает, и наступает какой-то момент, когда его внимание нужно направить на интересы близких ему людей.

Многие родители, не видя такого внимания со стороны любимого чада, сразу высказывают обиду и возмущение: «Ты даже не спросил, как я себя чувствую!» А откуда он знает, что об этом надо спрашивать? Ах, это очевидно? Да, для взрослого человека, которого этому учил кто-то или просто ему это подсказывает опыт многих прожитых лет. А для ребенка вовсе не очевидно, что мама, которая всегда ухаживает за ним, когда он болеет (а как же иначе?), которая заботится о том, чтобы купить любимые им пирожные или достать заданную к уроку книжку, может очень устать или заболеть. И надо подсказать ему, только очень деликатно и осторожно, что надо поинтересоваться, скажем, как себя сегодня чувствует дедушка, у которого вчера болела голова. У меня был с сыном именно такой случай, и я сказала ему об этом. А потом заметила, как будто вскользь, что мне хотелось бы, чтобы и он интересовался моими делами, как я интересуюсь им, его заботами, спрашивая всегда, как прошел день (и опять же не в оценках дело!).

И с тех пор и до сегодняшнего дня наша встреча или разговор по телефону (сын уже живет отдельно) начинается всегда с Сережиного вопроса: «Как у тебя дела?»

Пусть когда-то, как в любом общении, он готов выслушать мой рассказ, относительно подробный, о прожитом дне, а когда-то, если нет возможности поговорить, выслушает короткий однозначный ответ, но он интересуется моей жизнью, как и я –

его заботами и проблемами.

Есть еще одна сторона вопроса: чтобы ребенок, взрослеющий или уже взрослый, интересовался жизнью мамы, папы, бабушки, в этой жизни должны быть серьезные заботы не только обыденного или бытового характера. У мамы должно быть что-то, о чем она может рассказать, кроме приготовления обеда и уборки квартиры. И хорошо, если она сама, даже не дожидаясь вопросов сына или дочки, расскажет о проблемах на работе или о прочитанной интересной книге. И пусть он понимает, что и у нее может быть не все хорошо, могут быть трудности, это вполне естественно. Если люди делятся друг с другом раздумьями, сомнениями, советуются о том, как решить возникшие проблемы, это и есть полноценное общение – подлинная дружба, которая с годами, когда ребенок взрослеет, становится уже общением на равных.

Ребенок вырос – общение меняется

Казалось бы, это очевидно: такие отношения, когда ребенок все время с мамой, скучает по ней, если она уходит даже ненадолго, старается быть с ней постоянно, обо всем рассказывает и советуется, словом, когда мама – главный человек в его жизни, не могут продолжаться вечно. Он растет – появляются друзья, он проводит с ними все больше времени. Могут появиться и взрослые люди: учителя, воспитатели, которые становятся для него авторитетом. И ребенок постепенно отдаляется от родителей. Понятно, что это неизбежно, но как же трудно многим любящим родителям это принять!

Вспоминаю разные периоды своих отношений с сыном. Пока он был маленьким, мы очень много времени проводили вместе, он очень переживал, когда я уходила, с радостью встречал меня, стремился каждую минуту быть рядом. Меня это, конечно, очень радовало, хотя я не могла заниматься только им: много сил и времени занимала работа и домашние дела. Тем более все свободное время я старалась посвятить ребенку. Так продолжалось довольно долго. Он уже учился в школе, у него были друзья. Часто вместе с ним и с кем-то из его друзей я шла в парк, музей или театр, и таким образом мое общение с сыном продолжалось. Это, кстати говоря, вообще очень плодотворная форма общения на определенном этапе. Так взрослый человек помогает детям сформировать правильные отношения, основанные на серьезных интересах. Все-таки после посещения выставки или спектакля есть о чем поговорить. Делать это, конечно, нужно тактично и ненавязчиво. Но наступил момент, когда сын чаще стал уходить, проводить время с друзьями у них дома или в кафе. У него появилось стремление к большей самостоятельности, он стал незаметно, ненавязчиво, но все-таки ограничивать мое вмешательство в его жизнь.

О стремлении к самостоятельности, независимости хочется сказать отдельно. Часто даже маленький ребенок, начиная делать что-то и встречая попытку помочь, говорит: «Я сам». Разумеется, дети разные, и у кого-то это стремление выражено ярче, а кто-то к этому стремится в меньшей степени. Я для себя уже давно определила правило: все, что ребенок может делать сам, пусть делает сам. Ему только год и два месяца, но он пытается сам есть, у него получается. Пусть ест сам. Да, что-то уронит, что-то прольет, но научится. И надо сказать, это правило всегда работало. Но я была рядом, могла помочь, могла спросить его о чём-то и ответить на его вопросы.

Вспоминаю, как Серёжа пошёл в 1 класс. Это трудный период в жизни любой семьи. Первокласснику сложнее всего не выполнить задания, тем более если он подготовлен к школе, а организовать себя, особенно если это домашняя работа: на уроке её организует учитель. Я приходила с работы, садилась рядом с сыном и старалась направить все его действия так, чтобы работа шла чётко и быстро, учитывая малейшие нюансы, включая порядок на столе, отработку навыка автоматически и быстро делать то, на что не нужно тратить много времени, – достать тетрадь, открыть в нужном месте, положить закладку в учебник и так далее. При этом я вспоминала свой опыт, когда выполнение домашних заданий в 1 классе занимало у меня чуть ли не полдня. Постепенно мой сын стал справляться с уроками чётко и быстро. А в начале 2 класса он сказал мне, что теперь хочет делать домашние задания сам, чтобы я их только проверяла. Я, конечно, не стала возражать.

Сын всегда рассказывал мне о многом, даже когда был уже подростком. Я знала его друзей, они приходили к нам в дом. Но вот однажды, когда Сережа был в ванной, у него зазвонил телефон, я увидела на мониторе «Денис» и ответила, что Сережа в ванной. Когда он вышел, сказала ему об этом, и он мягко, но настойчиво попросил меня не отвечать на звонки его телефона, даже если звонит хорошо знакомый человек. В первый момент меня это задело, потом я подумала, что это естественно, так и должно быть.

Да, я это понимала. У меня была своя жизнь и свои интересы, поэтому я не сидела без дела и не думала, чем бы мне заняться, когда Сережи нет дома. И все-таки принять новую ситуацию общения мне было очень нелегко. Вспоминаю слова одной учительницы, которая в беседе с родителями учеников как-то заметила, что, пока дети маленькие, они хотят быть с нами, а нам все что-то мешает, а потом они вырастают, и мы очень жалеем об этих упущенных возможностях общения с ними. Я услышала это, еще не будучи матерью, а теперь вот вспомнила вновь. И вроде бы мне не за что было упрекнуть себя: я старалась как можно больше быть с сыном. Но, может быть, именно поэтому мне было трудно принять новую ситуацию. Я все-таки не была к ней готова.

Да, доверчивым и наивным малышом, для которого мама – центр мира, человек не может быть всегда. Он вырос, стал более сдержанным в проявлении своих чувств, стал многое воспринимать критически, в том числе и какие-то черты самых близких людей. Вспоминаются его смешные словечки, его детские вопросы, его наивные и удивленные глаза – все неповторимые прелести детства, которые так умиляют и трогают. Все это, увы,

проходит. А может, мы так лелеем эти моменты в памяти, так грустим о том, что они прошли, именно потому, что они так быстротечны. Но ведь все это, как вообще все, что было с человеком в его жизни, остается с ним, принадлежит ему! И детство моего сына всегда будет частью моей жизни. Есть множество фотографий. Есть мой дневник, в который я записывала самые важные, а часто забавные моменты. Теперь и сам Сережа заглядывает в него иногда и с улыбкой читает о том, как он говорил когда-то, что ему нравилось, что удивляло.

Да, уже нет того смешного малыша – он стал взрослым человеком. Теперь от общения с ним я получаю то, чего никогда раньше не было. Я могу обсуждать с ним любые проблемы, он задает мне самые разные вопросы. Мы рассказываем друг другу о трудностях в учебе и работе. Мы стараемся друг другу помочь в преодолении этих трудностей, когда это возможно. И все это на самом серьезном уровне, совершенно на равных. Дети растут – это грустно, и это прекрасно!

Мой сын и мои ученики

Существует расхожее мнение: учительский ребенок – это сирота при живых родителях. Если мама – учительница, то она всегда с чужими детьми, а на своих у нее ни времени, ни сил не хватает. Так говорят часто сами учителя.

Такая ситуация может сложиться, но сложится ли она именно так, зависит от самого человека. Учительская профессия, в большей степени, чем многие другие, требует самоорганизации. Бухгалтер или менеджер работает, пока продолжается его рабочий день. Он может быть долгим, но он все же ограничен какими-то рамками. Эти рамки установлены не работником, а работодателем.

Рабочий день учителя формально заканчивается тогда, когда заканчиваются его уроки. Некоторые, кстати, так и думают, что учитель после уроков абсолютно свободен. Но дальше-то начинается другая часть работы, не менее важная, иногда отнимающая еще больше времени. Надо заполнить журнал (теперь электронный), подготовиться к урокам, проверить контрольные, сочинения, спросить ученика, который почему-либо не ответил на уроке, объяснить что-то тому, кто проболел, и так далее. И если последние из названных моментов бывают не всегда, то первые – практически ежедневно. А еще есть много забот, связанных с классным руководством, – походы, экскурсии, праздники. И все это надо не только провести (после уроков, разумеется), но и подготовить. И все это, если делать творчески, серьезно, продуманно, очень увлекает, до такой степени, что учитель начинает чуть ли не сутками пропадать в школе. Несколько лет такой жизни, и человек опустошается внутренне. Это плохо для той же самой работы. Но это плохо и для его собственных родных детей, за которых он отвечает не в меньшей, а в большей степени, чем за учеников: у учеников все-таки есть родители.

Вот здесь-то и возникает необходимость себя, свое время четко организовать, свои силы разумно распределить. Пока ребенок был маленьким, я постоянно пребывала в одном из двух состояний. Если я готовлюсь к урокам или проверяю тетради, как он там без меня, чем занимается? Если я с ним, вспоминаю, что еще надо сделать к завтрашнему учебному дню. А нужно обеим сторонам жизни уделить необходимое внимание. Что важнее? Не хотелось бы так ставить вопрос. И то, и другое должно быть у человека. Только, по моим наблюдениям, успешных в своем деле учителей больше, чем таких родителей, которым удалось со

взрослыми детьми сохранить близкие и гармоничные отношения, при этом не потакая им бездумно во всем, пока они маленькие, а все-таки так или иначе формируя в них необходимые качества личности.

Но есть еще два момента в воспитании учительского ребенка. Все-таки учитель может прийти домой раньше, чем сотрудник коммерческой или юридической компании. Да, он приносит с собой тетради, свои, для подготовки к урокам и выставления оценок, и учеников (хотя уже давно мои ученики стали писать контрольные и самостоятельные работы на листочках именно потому, что я спешила домой к ребенку, а тетради носить тяжело). Но, проверяя контрольные, мама все-таки может находиться рядом, при необходимости ответить на любой вопрос, отвлечься от занятий и принять участие в игре. Маленький ребенок хочет, чтобы мама проводила с ним больше времени. Помню, как сын говорил: «Мам, ну, не занимайся, ну, пожалуйста!» Но он мог говорить так, потому что я была рядом, а ведь многие работающие мамы приходят домой не раньше восьми, а часто и позже.

Второй момент – это то, что, когда мама на работе, ребенок может быть рядом с ней. Просматриваю фотографии. Вот мы в Великом Новгороде. Вот мои ученики, а рядом мой сын со своим другом. Вот Пушкинский вечер в классе. Здесь есть и мой Сережа. Таких ситуаций было немало. Наступил момент, когда Сережа смог помогать мне в работе. Нет, не проверять тетради, конечно. Но когда он узнал устройство компьютера, закончив для этого курсы при Бауманском университете, я собрала у себя дома ребят, которым это было интересно, и он с удовольствием их учил. Так постепенно он подружился с моими учениками, несмотря на разницу в возрасте. И теперь, когда они, уже студенты, приходят ко мне домой, мы ведем общий разговор, который всем нам интересен. И это еще одна сторона моего общения с сыном. «Как дела, что нового?» – «Леша звонил». – «Это какой? Кошков? Ну и как он?» Согласитесь, не каждый человек может так поговорить с сыном или дочкой о своей работе. Так что и в этом отношении наша профессия имеет важные преимущества.

Отдавать ли детям душу

Почему вообще возник подобный вопрос? Недавно в журнале «Знамя» были опубликованы письма писателя Василия Гроссмана поэту Семену Липкину. В одном из этих писем встретилась фраза, которая заставляет задуматься. Вот слова В. Гроссмана (из письма С. Липкину – «Знамя» № 6, 2016 год): «…нельзя и не надо отдавать детям душу. Нельзя и не надо, потому что им душа эта не нужна, ни к чему». Очень горький вывод мудрого человека (о чем свидетельствуют его книги, в том числе великий роман «Жизнь и судьба»), прожившего долгую и трудную жизнь. Вывод сделан, видимо, из сложившихся отношений с детьми, о которых в письмах не рассказано подробно, упоминаются только отдельные моменты.

Можно ли согласиться с подобным утверждением? Думаю, нужно уточнить, в какой форме может происходить эта душевная самоотдача и как может выражаться потребность в ней детей. Мне кажется, если отношения строятся на тех основаниях, о которых я попыталась рассказать, то это и означает, что мы отдаем все-таки детям душу. Отдаем ли мы ее только детям, посвящая им себя без остатка? Конечно, нет! Но не отдавая им душу, мы не можем их воспитать и стать им близкими. Да, стать близкими, а это и значит, что им наша душа нужна. Опять же возникает аналогичный вопрос: им нужна наша душа, и больше ничто в жизни их не интересует? Ни в коем случае! Их должно интересовать и волновать еще многое, но родители, бабушки, дедушки… Вспоминаю стихотворение Валентина Берестова:

Любили тебя без особых причин
За то, что ты внук, за то, что ты сын,
За то, что живешь, за то, что растешь,
За то, что на маму и папу похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

Дети вырастают, у них все больше интересов, знакомых, друзей, у них появляются новые заботы, они создают свои семьи. Но все это порождает и новые трудности, сомнения, переживания. И наша любовь, а значит и душа, остается для них во всем этом «тайной опорой», как точно заметил поэт.

И это, я думаю, можно отнести ко всем детям, которых мы воспитываем, – к сыновьям, дочерям, внукам и к ученикам. Одна

из лучших книг о воспитании, книга В. А. Сухомлинского, не случайно так и называется – «Сердце отдаю детям». Конечно, своим родным детям и тем, кто приходит к нам учиться, мы отдаем его по-разному. Это разные линии жизни, но во многом пересекающиеся, дополняющие друг друга. В них обеих реализуются в значительной степени похожие принципы, о которых я и попыталась рассказать.

Быть родителем нелегко, но без этого, я уверена, в полной мере счастливым человек быть не может, какими бы радостями ни была наполнена его жизнь.

Быть учителем тоже очень трудно. Учитель сталкивается на своем пути с теми проблемами, с которыми мало кто встречается даже в самой сложной работе. Но этот путь, если он выбран осознанно и стал призванием, дарит человеку такие радости, которых не даст ему никакая другая профессия. Поэтому очень хочется, чтобы молодые люди, мыслящие, творческие, талантливые, выбирали учительскую судьбу. И пусть она будет счастливой!